

ХОЛМС и ВАТСОН младшие

Бриттани Кавалларо

ЭТЮД В ТОНАХ ШАРЛОТТЫ

Бриттани Кавалларо
Этюд в тонах Шарлотты
Серия «Холмс и Ватсон
младшие», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64654271

Этюд в тонах Шарлотты / Кавалларо Бриттани: АСТ; Москва; 2021

ISBN 978-5-17-115644-2

Аннотация

Отправляясь в частную школу в Америке, Джейми Ватсон уже знал, кого там встретит. Свою ровесницу. Гения дедукции. Одержимую, помешанную на химических опытах. Хрупкую девушку с длинными темными волосами и хрипотцой в голосе. Невыносимую всезнайку и задаваку. Одаренную скрипачку с трезвым и практичным умом. Непрístupную Снежную королеву. Шарлотту Холмс.

Только Джейми не догадывался о том, что за ледяным панцирем гениального детектива скрываются столь темные тайны – и пугающе сильные чувства. И не представлял, как сложно ему самому будет сохранять холодный рассудок в ее присутствии. Особенно когда над обоими нависает подозрение в жестоком убийстве.

Содержание

Один	6
Два	27
Три	56
Четыре	77
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Бриттани Кавалларо

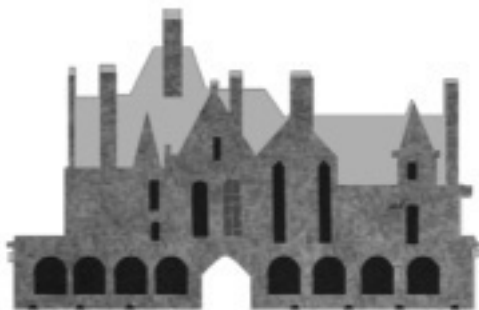
Этюд в тонах Шарлотты

*Я и не представлял, что такие персонажи
существуют за пределами книг.*

Сэр Артур Конан Дойл.

Этюд в багровых тонах

Серия «Холмс и Ватсон младшие»

Brittany Cavallaro
A STUDY IN CHARLOTTE

Перевод с английского: *Н. С. Статкевич, А. В. Тихонов*

*Печатается с разрешения литературных агентств
Hodgman Literary и Andrew Nurnberg*

Этюд в тонах Шарлотты / Кавалларо Бриттани. – Москва:
Издательство АСТ, 2021

A Study in Charlotte

Copyright © 2016 by Brittany Cavallaro

© Н. С. Статкевич, перевод, 2019

Один

Впервые я встретил ее на исходе одного из самых обычных будних дней, какие только и бывают в школах типа Шеррингфорда. Было немного за полночь, и последние несколько часов я сидел в своей комнате с ледяным компрессом на вывихнутом плече – результат тренировки по регби, окончившейся, едва начавшись. Подобное здесь не редкость, это я понял сразу, в первую же неделю, когда капитан команды пожал мне руку с таким голодным видом, что, казалось, сейчас зальет пол слюной. Команда Шеррингфорда по регби уже много лет подряд каждый сезон оказывалась последней в своем дивизионе. Но только не в этом году; Клайн постоянно напоминал мне об этом, обнажая в улыбке все свои неестественно мелкие зубы. Я стал их белым китом. Местным мес-

сией. Вот почему школа отстегнула денег не только на мое обучение, но и на транспортные расходы, а это не шутка, когда ты на каждые каникулы летаешь к матери в Лондон.

И все бы ничего, если бы не одно большое но: я ненавижу регби. Я совершил фатальную ошибку, когда пережил мол¹ во время прошлогодней игры в своей школе в Лондоне и вроде как случайно привел нашу команду к победе. Я и старался-то только из-за Розы Милтон, которая в кои-то веки пришла на матч и в которую я был тайно влюблен два долгих мучительных года, – откуда мне было знать, что игру будет смотреть и главный тренер сборной Шеррингфорда. С первого ряда, выискивая таланты. Понимаете, у нас в школе Хайкомб была неплохая команда по регби.

Черт бы их всех побрал.

Особенно моих новых товарищей по команде: телячьи глаза, бычьи шеи. Если честно, я ненавижу и сам Шеррингфорд с его гладенькими зелеными лужайками, безоблачным небом и центром города едва ли больше бетонной коробки, которую мне выделили в Миченер-холле. Центром, где есть минимум четыре кондитерские с капкейками, но ни одного места с нормальным карри. Центром, откуда всего час езды до дома моего отца. Он постоянно грозился, что приедет. И для меня это была именно угроза. Мать хотела, чтобы мы получше узнали друг друга; они развелись, когда мне было

---

¹ Игровая ситуация в регби, когда игрока, который владеет мячом, силой удерживают на месте соперники.

десять.

А по Лондону я скучал как по недостающей руке или ноге, несмотря на то что прожил там не так много лет, поскольку, хоть мама и уверяла, что в Коннектикуте я буду чувствовать себя как дома, это место больше напоминало тюрьму. Очень ухоженную тюрьму.

Я пишу все это, чтобы вы поняли, что в сентябре того года я бы с удовольствием чиркнул спичкой и посмотрел, как Шеррингфорд сгорит к чертям. И все же еще до моей встречи с Шарлоттой Холмс я был уверен, что если мне и удастся с кем-то подружиться в этом жалком месте, то только с ней.

– Так ты *тот самый* Ватсон. – Том был в восторге. Его гладкий манчестерский акцент сменился самым чистым кокни², который я когда-либо слышал. – Дружище! Дорогой мой! Ватсон, иди ко мне, я тебя поцелую!

Комната, которую мы с ним делили, была такой крошечной, что мой вытянутый средний палец чуть не выколол ему глаз.

– Бредфорд, да ты гений. Seriously. Сам шутку придумал?

– О, чувак, да это же идеально. – Мой сосед засунул руки в карманы вязаной жилетки с ромбами, которую всегда носил под форменным пиджаком. Сквозь дырку от моли было видно, как он шевелит большим пальцем. – Сегодня Лена закатывает вечеринку в Лоуренс-холле – сестра снабжает ее

---

² Простонародный лондонский говор.

водкой. А кто у Лены соседка по комнате, тебе известно. — Он выразительно поднял брови.

Тут я все-таки закрыл книгу.

— Только не говори, что пытаешься свести меня с моей...

— С твоей второй половиной?

Думаю, вид у меня был сердитый, так как Том успокаивающе положил обе руки мне на плечи.

— Я не пытаюсь свести тебя с Шарлоттой. — Он отчетливо выговаривал каждое слово. — Я пытаюсь тебя *напоить*.

Шарлотта и Лена обосновались в цокольном этаже Лоуренс-холла. Как Том и обещал, пройти мимо коменданта общежития не составило труда. Помимо охраны, в каждом корпусе был свой комендант: пожилая женщина из местных, приглядывающая за учениками из-за своего стола. Она сортировала почту, заказывала торты на день рождения, выслушивала тоскующих по дому, но при этом была обязана следить за порядком. Комендантша Лоуренса славилась привычкой дрыхнуть на работе.

Вечеринка проходила в подвальной кухне. Помещение забивали тарелки и кастрюли, тут имелась даже ветхая плита на четыре конфорки, а сковородки были настолько побитыми, словно прошли войну. Том прижался к плите, пока я закрывал за нами дверь, и на его жилетке тут же отпечатались жирный след от ручки в форме полумесяца. Девушка, стоявшая рядом со стаканом в руке, слегка улыбнулась и снова повернулась к своим друзьям. Здесь было человек тридцать

минимум, и все теснились как сельди в бочке.

Схватив меня за руку, Том принялся плечом прокладывать нам дорогу через крошечную кухню. Возникло чувство, что меня тащат через темный и влажный шкаф в какую-то пьяную Нарнию.

– Это местный барыга, он с придурью, – шепнул мне Том. – Продает наркотики. А это сын губернатора Шумера. Он наркотики *покупает*.

– Класс, – отозвался я, слушая вполуха.

– А вон тех двух девчонок видишь? Они «летуют» в Италии. Ну, это их словечко – как зимуют, только наоборот. Их папаши рулят офшорными делами по добыче нефти.

Я удивленно приподнял брови.

– Что такого? Я же нищий, я обращаю внимание на такие вещи.

– Ага. – Если это была шутка, то она получилась так себе. Несмотря на съеденный молю жилет, в нашей комнате у Тома стоял самый маленький и тонкий ноутбук, который я когда-либо видел. – Ты-то нищий.

– Смотря с кем сравнивать. – Том продолжал волочь меня за собой. – Мы же с тобой – верхушка среднего класса. Крестьяне.

На вечеринке было шумно илюдно, но Том твердо намерился протащить меня до самой дальней стены. И я не понимал зачем, пока не расслышал из-за завесы сигаретного дыма странный голос.

– Играем в «Техасский Холдем»³, – неестественно отчетливо произнес он с хрипотцой, словно какой-то пьяный греческий философ вещал на вакханалии. – Вступительный взнос сегодня пятьдесят долларов.

– Или душа, – прошебетал другой голос, абсолютно обычный, и две девушки, сидящие перед нами, засмеялись.

Том повернулся ко мне с ухмылкой:

– Это Лена. А вот та – Шарлотта Холмс.

Первым, что я увидел, были ее волосы до плеч, прямые, черные и блестящие. Она склонилась над карточным столом, чтобы сгрести стопку фишек, и разглядеть лица я не мог. Не такое уж большое дело, сказал я себе. Не страшно, если я ей не понравлюсь. Ну и что, что когда-то, лет сто с лишним назад, на другом берегу Атлантики какие-то другие Ватсон и Холмс стали лучшими друзьями. Люди постоянно заводят друзей. Лучших друзей, даже здесь, в нашей школе. Десятками. Сотнями.

Ну и что, что у меня нет ни одного.

Внезапно она выпрямилась и зловеще улыбнулась. Черные тонкие брови ярко выделялись на бледном лице, подчеркивая серые глаза и прямой нос. Она выглядела одновременно строго, неброско, но при этом красиво. Не так, как обычно красивы девушки, но скорее как сверкающее лезвие, к которому хочется прикоснуться.

– Дилером становится Лена, – сказала она, отворачиваясь

---

³ Разновидность покера.

от меня, и только в этот момент я заметил акцент.

Я вспомнил, что она тоже из Лондона, как и я. На секунду мне так захотелось домой, что я был готов позорно бухнуться перед ней на колени и умолять почитать мне вслух – что угодно, хоть телефонную книгу, лишь бы этим экстравагантным голосом, который так не вязался с ее тонкой и угловатой девической фигурой.

Том сел, кинул пять фишек на стол (при ближайшем рассмотрении они оказались медными пуговицами с его форменного пиджака) и театрально потер руки.

Другой бы на моем месте сказал что-то остроумное. Что-то странное, забавное и еще немного мрачное, что-то, что можно произнести шепотом, опускаясь на стул рядом. Что-то, что заставит ее резко поднять глаза и подумать: «Хочу узнать его поближе».

Мне сказать было нечего.

Я поджал хвост и слинял.

Том явился домой несколькими часами позже, без денег, но довольный.

– Она меня обчистила, – засмеялся он. – В следующий раз отыграюсь.

Так я узнал, что Шарлотта устраивает покер каждую неделю с тех самых пор, как приехала сюда год назад. Конечно же, водка от Лены заметно прибавила этому мероприятию популярности.

– Ну а Шарлотте – денег, – заметил Том.

Шли недели. Каждое утро, выключая будильник, я тщетно надеялся, что хотя бы сегодня неумолимая жизнь оставит меня в покое. Хуже всего был французский. Он шел первой парой, а вел его мсье Канн, деспот с красными подтяжками, чьи напوماженные усы выглядели как образец работы таксидермиста. Почти все тут учились в Шеррингфорде с первого курса, и в такую несусветную рань каждому хотелось только одного – обсудить прошлый вечер с друзьями. Я ничьим другом не был. В тот день я сел за пустую парту и попытался не заснуть до начала занятия.

– Я слышала, она вчера подняла баксов пятьсот, – сказала сидящая передо мной девушка, затягивая рыжие волосы в тугий хвост. – Наверняка тренируется онлайн. Так нечестно. Как будто у нее денег мало. Их семья явно не бедная.

– Закрой глаза. – Соседка легонько дунула рыжей в лицо. – Ресничка выпала. Да, я тоже это слышала. Ее мама герцогиня или что-то вроде. Но не важно. Видно, все ее денежки уходят Шарлотте в нос.

Рыжая оживилась.

– А я слышала, что в вену.

– Может, познакомит меня со своим дилером.

Прозвенел звонок, мсье Канн крикнул: «Bonjour, mes petites»⁴, и в этот момент я понял, что впервые за многие недели мне совершенно расхотелось спать на первой паре.

---

⁴ «Доброе утро, крошки мои».

Все оставшееся утро я думал об этом разговоре и о том, что все это значит. Шарлотта Холмс. Ни о ком другом они говорить не могли. С этой навязчивой мыслью я бродил по двору в обед, стараясь ни с кем не столкнуться. В сквере было полно народу, так что в общем-то нет ничего удивительного в том, что девушка, о которой я думал, будто выросла из-под земли прямо у меня перед носом.

Я не налетел на нее – уж не настолько я неуклюжий. Сначала мы оба замерли, после чего начались эти бестолковые телодвижения: шаг влево – шаг вправо – ты проходи – нет ты. Наконец я сдался. К черту все, подумал я упрямо, колледж маленький, и я не могу прятаться вечно, так что самое время рискнуть и...

Я протянул ей руку.

– Прости, мы вроде не знакомы. Я Джеймс. Новенький.

Она нахмурилась и посмотрела на мою руку с таким видом, будто я предлагаю ей сырую рыбину или даже гранату. Был жаркий солнечный день, последний кусочек лета в начале октября, так что все разгуливали, небрежно закинув пиджак на плечо или сунув под мышку. Свой я убрал в сумку, к тому же, идя по дорожке, ослабил галстук, но Шарлотта Холмс была одета безукоризненно, будто собралась читать лекцию по этикету. Вместо плиссированной юбки, как у большинства девушек, на ней были обтягивающие темно-синие брюки. Белая оксфордская рубашка застегнута на все пуговицы, а галстук выглядит так, словно его отпарили. Вместо

духов от нее пахло мылом – я стоял достаточно близко, чтобы уловить аромат, – а на лице не было ни капли макияжа, будто она только что умылась.

Всю жизнь я пытался представить себе подобный образ и мог бы смотреть на эту девушку часами – не шурься она с явным подозрением. Наверное, я сделал что-то не так.

– Я Холмс, – произнесла она наконец своим удивительным шершавым голосом. – Но ты ведь и так знаешь.

Она явно не собиралась жать мне руку, так что я спрятал обе в карманы.

– Ну да, – признался я. – Значит, и ты меня знаешь. Это, конечно, немного странно, но я подумал...

– Кто подкинул тебе идею? – Ее лицо еле заметно смягчилось. – Добсон?

– Ли Добсон? – Удивившись, я отрицательно покачал головой. – Нет. Какую идею? Конечно, я знал, что ты будешь здесь. В Шеррингфорде. Моя мама сказала, что Холмсы отправили тебя сюда; она общается с твоей тетей Араминтой. Они познакомились на каком-то благотворительном ужине. Так? Подписывали рукопись «Его прощального поклона». Ее отправили потом больным лейкемией или кому-то там еще, и теперь они регулярно переписываются. Ты на моем курсе? Я так и не понял. А, нет, вижу у тебя учебник по биологии, так что ты, наверное, на втором. Дедукция, ага. Впрочем, не суть.

Я понимал, что несу чушь и выгляжу идиотом, но она по-

прежнему стояла прямо и неподвижно, как восковая фигура. Это настолько не сочеталось с тем образом властной и своевольной девушки с вечеринки, что я не мог понять, что с ней произошло. Но моя болтовня, похоже, немного успокоила Шарлотту, и пусть я не был забавным, мрачным или остроумным, постепенно ее плечи расслабились, а глаза стали чуть менее печальными.

– Конечно же, я знаю, кто ты, – сказала она, когда я наконец остановился перевести дух. – Тетя Араминта рассказывала о тебе, и Лена, естественно, тоже. Привет, Джейми.

Она протянула мне свою миниатюрную белую руку, и я пожал ее.

– Вообще-то я терпеть не могу, когда меня называют Джейми, – проговорил я с трудом, – так что лучше уж зови меня Ватсоном.

Холмс скривила губы в легкой ухмылке.

– Хорошо, Ватсон, – сказала она. – Мне пора на обед.

Разговор, определенно, был окончен.

– Ладно, – сказал я, едва скрывая разочарование. – Мне тоже пора к Тому.

– Ну, пока. – Она аккуратно обошла меня.

Но я не мог это так оставить и крикнул ей вслед:

– Что я сделал не так?

Холмс бросила на меня через плечо непроницаемый взгляд.

– На следующих выходных школьный бал, – бросила она

сухо и пошла дальше.

Как говорят, – а точнее, как говорит моя мама, – Шарлотта – яркий представитель семьи Холмс. В устах моей матери это не комплимент. По идее, за столько лет наши семьи должны были отдалиться друг от друга, и в целом так и произошло. Но моя мать постоянно натыкалась на Холмсов – то на благотворительном аукционе Скотленд-Ярда, то на церемонии вручения премии «Эдгар», либо, как было с тетей Араминтой, на аукционе вещей Артура Конана Дойла – литературного агента моего прапрапрадедушки. Меня всегда манил образ этой девушки, единственной моей ровесницы из семьи Холмс (ребенком я представлял, как мы знакомимся и вместе отправляемся навстречу приключениям), но мама всякий раз охлаждала мой пыл, при этом ничего о ней не рассказывая.

Единственное, что я знал, – ей было десять, когда полиция впервые позволила ей участвовать в расследовании. Бриллианты, которые она помогла найти, оценивались в три миллиона фунтов. Мой отец рассказал мне об этом во время своего еженедельного звонка, пытаясь как-то расположить меня к себе. Не сработало. Ну, или, по крайней мере, сработало не так, как он хотел. Мне месяцами снилось это дело о краже бриллиантов. Где я рядом с ней, ее верный напарник. В одном из этих снов я спускал ее в швейцарский банк через люк в крыше, и только моя веревка удерживала ее над утыканным ловушками полом. В другом мы мчались по вагонам

стремительно несущегося поезда, спасаясь бегством от русских бандитов в черных масках. Когда я увидел на первой полосе историю о краже картины, я сказал своей матери, что мы с Шарлоттой Холмс распутаем это дело. Мама резко меня осекла пригрозив: «Джейми, если ты выкинешь нечто подобное до совершеннолетия, однажды ночью я продам все твои книги, начиная с Нила Геймана с автографом».

(До развода мой отец любил повторять: «Понимаешь, твоя мать носит фамилию Ватсон только по мужу». При этом он выразительно приподнимал бровь.)

Единственный серьезный разговор о Холмсах у нас состоялся перед моим отъездом. Мы обсуждали Шеррингфорд – ну, как обсуждали... Мама без остановки говорила о том, как мне там понравится, пока я молча паковал вещи, прикидывая: если я прямо сейчас выпрыгну в окно, я смогу разбиться насмерть или просто переломаю себе ноги? Наконец она и меня вынудила рассказать о том, чего же я жду, и назло ей (тем не менее это было правдой), я сказал, что радуюсь и волнуюсь оттого, что наконец встречу своего собрата из семьи Холмс.

Она была не в восторге.

– Бог знает, как твой прапрапрадед выносил этого человека, – сказала она, закатив глаза.

– Шерлока? – спросил я.

По крайней мере мы хоть больше не обсуждаем Шеррингфорд.

Она хмыкнула:

– Мне всегда казалось, что ему было просто скучно. Викторианская эпоха, сам понимаешь. Событий немного. Но я никогда не думала, что их дружба была взаимной. Эти Холмсы, они *странные*. Они до сих пор чуть ли не с рождения дрессируют детей на предмет дедукции. Не дают им заводить друзей – что-то такое я слышала. Не думаю, что так изолировать ребенка – это нормально. Араминта кажется довольно приятной, но, опять же, я с ней не живу. Представить не могу, каково было бедному доктору Ватсону. Сближаться с такими людьми не стоит.

– Да я как-то и не собирался на ней жениться, – сказал я, продолжая искать свою форму для регби в недрах шкафа. – Мне просто интересно с ней познакомиться, вот и все.

– Я слышала, что она из них самая странная, – продолжила мама. – Не просто так ведь они отправили ее в Америку. Я демонстративно посмотрел на свой чемодан.

– Да уж, на поощрительный приз это не похоже.

– Ну, ради твоего блага надеюсь, что она славная, – быстро добавила мама. – Просто будь осторожнее, дорогой.

Вообще, как ни грустно это признавать, моя мама редко ошибается. Конечно, идея отправить меня в Шеррингфорд была ужасной, но я понимал, что за этим стоит. Она платила кучу денег за мою учебу в школе Хайкомб, которая на самом деле была нам не по карману, только из-за того, что я решил стать писателем. Несколько известных авторов чита-

ли там лекции... Увы, не могу сказать, что хоть один из них меня по-настоящему увлек. Шеррингфорд, несмотря на свои очевидные минусы (Коннектикут, мой отец), имел и плюсы: программа обучения здесь была отличная. К тому же они согласились учить меня бесплатно до тех пор, пока я примерно изображаю из себя удалого регбиста.

Но в Шеррингфорде я своих пристрастий не афишировал. Навязчивый страх, преследовавший меня постоянно, не давал показывать свои работы другим: не хотелось, чтобы все начали сравнивать меня с доктором Ватсоном. Я старательно шифровался и был застигнут врасплох, когда все это чуть не вскрылось однажды за ланчем.

Мы с Томом взяли по сэндвичу и устроились в сторонке под ясенем в компании нескольких ребят из Миченер-холла. Том рылся в моей сумке в поисках клочка бумаги, чтобы выплюнуть в нее жвачку. Обычно меня раздражает, когда кто-то так бесцеремонно копается в моих вещах, но так же вели себя и мои старые друзья в Хайкомб, так что я не стал возражать.

– Можно отсюда вырвать? – спросил он, показывая на мою тетрадь.

Огромным усилием воли я сдержался, чтобы не отобрать ее тут же.

– Ага, – безразлично ответил я, вытаскивая чипсы из пакета.

Том пролистал тетрадь – сначала быстро, но постепенно

замедляясь.

– Хм, – произнес он; я кинул на него угрожающий взгляд, но он этого не заметил.

– Что это? – спросил кто-то. – Любовные поэмы? Эротические рассказы?

– Похабные стишки, – сказал Добсон, мой сосед по обществу.

Том прокашлялся, как будто собирался зачитать вслух страницу из моего дневника (а это был именно он).

– Нет, портрет твоей мамы. – Я отобрал тетрадь и вырвал последнюю страницу, а затем для надежности сунул тетрадь себе под коленку. – Это просто дневник. Заметки для себя, что-то типа того.

– Я видел, как ты разговаривал с Шарлоттой Холмс во дворе, – сказал Добсон. – Про нее тоже написал?

– Конечно. – В его голосе было что-то неприятное, и я не хотел своим ответом подливать масла в огонь.

Рэндалл, его краснолицый сосед по комнате – мы были вместе в команде по регби, – взглянул на приятеля и склонился ко мне с заговорщицким видом.

– Мы уже целый год пытаемся расколоть этот орешек, – сказал он. – Она красotka. Носит эти обтягивающие брючки. Но никуда не ходит, кроме как на свой странный покер, да еще и не пьет. Принимает что покрепче, да и то в одиночку.

– Они пробуют на ней пикап, – мрачно сказал мне Том и, увидев мое недоумение, пояснил: – Искусство съема. Ты

такой унижаешь девушку – типа, маскируешь оскорбление под комплимент. Добсон постоянно говорит ей, что он единственный, кому она нравится, другие считают ее страшной и вечно под кайфом, ну а он как раз на таких и западает.

Рэндалл засмеялся.

– Ни хрена не работает, по крайней мере у меня, – заявил он. – С ней я пас. Вы только *поглядите* на этих симпатичных первокурсниц. Возни с ними меньше, а удовольствия куда больше.

– Ну, а я в деле. Я этот орешек уже расколол. – Добсон усмехнулся Рэндаллу. – И, знаешь, может, она меня еще порадует. Раз я могу быть таким галантным ухажером.

Лжец.

– Хватит, – сказал я тихо.

– Что?

Когда я злюсь, мой британский акцент усиливается, становится густым и высокомерным, прямо карикатурным. А я был в бешенстве. Так что, наверное, акцент у меня сделался прямо как у Ее Величества.

– Повторишь, и я тебя на хрен кончу.

Вот она, эта неудержимая ярость, этот нарастающий адреналин, когда произносишь слова, которые не взять обратно. Слова, после которых обычно остается только заслуженно врезать очередному уроду по морде.

Собственно, именно поэтому я и занялся регби. По словам школьного психолога, это должно было стать «разум-

ной разрядкой» для «внезапных приступов немотивированной агрессии». А мой отец добавил, посмеиваясь, будто все это было шуткой, что я «иногда немного задираюсь». В отличие от него, я никогда не видел повода для гордости в этих драках: как в Хайкомбе, так и в обычной школе в Коннектикуте. После мне всегда было стыдно, порой до тошноты. Стоило моим друзьям сказать что-то не то, как моя рука сама собой замахивалась, готовая к удару.

Но в этот раз мне стыдно не будет, подумал я, когда Добсон вскочил со своего места, размахивая руками. Рэндалл схватил его за рубашку, пытаюсь удержать; вид у него был удивленный. Правильно, держи его, подумал я, так он не сможет убежать – и я дал Добсону кулаком в челюсть. Его голова запрокинулась, и, когда он снова на меня посмотрел, на его лице была ухмылка.

– Ты ее парень, что ли? – спросил он, тяжело дыша. – Что-то прошлой ночью Шарлотта о тебе не говорила.

Сзади послышался чей-то окрик – голос, похоже, принадлежал Холмс. Кто-то потянул меня за руку. На секунду я отвлекся, и тут Добсон вырвался от Рэндалла и повалил меня на траву. Он был размером с локомотив, и, когда его колени оказались у меня на груди, я уже не мог ни двигаться, ни дышать. Склонившись к самому моему лицу, он поинтересовался:

– Ты что о себе возомнил, мелкий утырок? – и смачно плюнул мне в глаз.

Затем он ударил меня в лицо, и еще раз.

Сквозь шум в ушах я услышал голос.

– Ватсон, – крикнула Холмс, как мне показалось, откуда-то издалека, – ты что, совсем охренел?

Наверное, это первый случай в мире, когда воображаемый друг стал реальным. Ну, пока не совсем реальным – она все еще оставалась для меня размытым видением. Но ведь мы с ней неслись по лондонской канализации, держа друг друга за грязные руки. Мы вывели государственную тайну и неделями скрывались от Штази⁵ в пещере в Эльзас-Лотарингии. Мое больное воображение рисовало, как она спрятала микрочип со всей информацией в маленькую красную заколку, которой убирала свои светлые волосы; именно такой я представлял ее когда-то.

Если честно, мне нравилась эта размытость. Стертая грань между сном и реальностью. И, когда Добсон говорил все эти мерзости, я набросился на него оттого, что он грубо впихнул Холмс в *реальный* мир, где люди бросают мусор прямо во дворе, мочатся там, где гуляют, и где всякие козлы чморят девушку просто потому, что она не стала с ними спать.

Понадобилось четыре человека – включая потрясенного Тома, – чтобы оттащить его от меня. Я лежал, вытирая слюну с глаз, пока кто-то не наклонился и не заслонил мне свет.

---

⁵ Неофициальное название министерства внутренних дел в бывшей Восточной Германии (ГДР).

– Поднимайся, – сказала Холмс.

Руку она мне не протянула. Вокруг нас собралась толпа. Еще бы. Меня слегка покачивало, но благодаря адреналину боли я не чувствовал.

– Привет, – сказал я тупо, вытирая кровь под носом.

Окинув меня взглядом, Шарлотта повернулась к Добсону.

– О, малыш, не могу поверить, что ты дрался за меня, – произнесла она, растягивая слова.

В толпе раздались смешки. Добсона все еще держали друзья, и даже отсюда я слышал его тяжелое дыхание.

– Ну раз ты победил, полагаю, я должна раздвинуть перед тобой ноги прямо здесь. Или тебя возбуждают только девушки под кайфом и в отключке?

Одобрительные крики, улюлюканье. Добсон выглядел скорее ошарашенным, чем разозленным; он обмяк в руках своих друзей. Я прыснул – не смог сдержаться. Холмс развернулась и уставилась на меня в упор.

– А ты – ты мне не парень, – сказала она ровно, своим обычным голосом. – Хотя то, как ты на меня тарачишься, бессвязно бормочешь и дергаешь указательным пальцем, когда я заговариваю, означает, что ты очень хотел бы им быть. Думаешь, ты защищал мою «честь», но ты ничем не лучше его. – Она указала большим пальцем на Добсона. – Меня не надо защищать. Я в состоянии сделать это сама.

Кто-то свистнул; кто-то стал медленно аплодировать. Выражение лица Холмс не менялось. Подошли учителя, потом

и декан; меня допрашивали, ставили компресс и снова допрашивали. А я снова и снова проигрывал эту сцену в своей голове. Капая кровью из носа на футболку в медпункте и даже не зная, исключат меня или нет, я все равно думал только об этом. Ты ничем не лучше его, сказала она, и была абсолютно права.

Только мне никогда не хотелось стать ее парнем. Это было для меня слишком круто и в то же время недостаточно – я мечтал о другом, о чем-то гораздо большем, о том, что не мог выразить словами.

Поводом для моей следующей встречи с Шарлоттой Холмс стало убийство Ли Добсона.

Два

Крики начались перед самым рассветом.

Я услышал их еще во сне. Они доносились из разъяренной толпы; кто-то вооружил людей факелами и вилами, и они загнали меня в амбар под огромным звездным небом. Спрятаться здесь было негде, разве что за коровой, невозмутимо жующей сено.

Не надо быть психологом, чтобы растолковать этот сон. После драки с Добсоном мое имя узнали все. У людей, которые даже не были со мной знакомы, вдруг появилось на мой счет некое *мнение*. Добсона не особо любили, но у этого тупицы и бабника была свита из таких же качков, и они напоминали о себе каждый раз, стоило мне войти в столовую. Том же втайне кайфовал от этой истории. Сплетни были са-

мой ходовой валютой в Шеррингфорде, и по его представлениям он заполучил ключ к королевской сокровищнице.

А у меня в целом все осталось по-прежнему. Как и раньше, мне было неуютно в Шеррингфорде, разве что стало еще тоскливее. На французском при моем появлении все замолкали. Как-то утром возле научного корпуса девочка-первокурсница под сдавленное хихиканье подружек за спиной вручила мне приглашение на школьный бал. Она была симпатичная, такая воздушная и светловолосая, но я сказал, что мне запретили туда идти. И это было почти правдой. Меня отстранили от всех внеклассных занятий на месяц: никаких клубов, поездок в город и, слава богу, никакого регби (при этом меня заверили, что стипендию мне оставят). Хотя одно мне запретить забыли: танцы. Легкое наказание, как сказала медсестра, осматривавшая мой сломанный нос. А для меня оно и вовсе не было наказанием.

После той драки я повсюду искал глазами Холмс, хоть и понятия не имел, что сказать ей при встрече. В тот раз она отменила покер, но я бы все равно не пошел – она и без того считала меня психом, который ее преследует. Вообще, в Шеррингфорде довольно сложно спрятаться, там всего-то студентов пятьсот и крошечный кампус, но у нее это как-то получалось. Ее не было в столовой; не было во дворе между занятиями.

Мне кажется, я не был бы так ею одержим, если бы хоть как-то вписывался в местную тусовку. До всей этой истории

с Добсоном я кое с кем подружился – в основном благодаря Тому, который, кажется, был знаком со всеми: от милашек с нашего курса до будущих выпускников, играющих во фрисби во дворе. Довольно быстро и я с ними познакомился. Но в этой дружбе было что-то ненадежное, словно ее в любой момент могло сдуть ветром.

Причина номер один – постоянные разговоры о деньгах.

Не прямым текстом, типа: «Сколько зарабатывают твои родители?» Скорее так: «Чем твои родители занимаются? Вроде твоя мама была сенатором? А твой папа управляет хедж-фондом? Боже, я тоже еду на Рождество в Хэмптонс⁶!» – обсуждали какие-то две девчонки на всю комнату. Я не раз видел, как ученики покупают наркотики у противного блондинчика из города, который ныкался по углам на наших вечеринках либо во дворе по вечерам. Ну а когда мои одноклассники не тратили деньги своих родителей на дозуправку кокаином, они отправлялись колесить по миру. На французском я как-то подслушал разговор девчонок о том, кто что делал прошлым летом: кто-то помогал строить сиротские приюты в Африке (никакой конкретики, всегда просто Африка), кто-то путешествовал с рюкзаком по Испании.

Шеррингфорд, конечно, не выдерживал конкуренции с Эндовером или Сент-Полом, забитыми будущими президентами, бейсболистами или астронавтами. Ну да, у нас были предметы типа сценарного мастерства или суахили и пре-

---

⁶ Роскошный морской курорт на Лонг-Айленде (Нью-Йорк).

подаватели с докторскими степенями в твидовых пиджаках; наши выпускники даже поступали в университеты Лиги Плюща, из тех, что поскромнее, но все же мы не дотягивали до элиты, вот в чем проблема. И вместо того, чтобы биться за то, чтобы стать лучшими, мы бились за то, чтобы быть наиболее привилегированными.

Вернее, *они* бились. Я был на этом матче лишь зрителем в первом ряду. Ну а где-то там, в темноте, блуждала Шарлотта Холмс, играя по своим собственным правилам.

В ночь убийства Добсона я долго не мог уснуть, думая, как все исправить. Все это недоразумение между мной и Холмс. Я был уверен, что потерял все шансы с ней подружиться, и эта мысль не давала мне покоя аж до полчетвертого. Мне казалось, я только задремал, как меня разбудил тревожный гул из коридора. Том, наспех одевшись, отправился на разведку, пока я только пытался вылезти из кровати. Наверное, это учебная тревога, а я просто не услышал пожарную сигнализацию, сонно подумал я.

В конце коридора собралась толпа: в основном ребята с этажа, но наша пожилая комендантша тоже была там, а за ней стояла школьная медсестра и кучка полицейских в форме и фуражках. Я протиснулся сквозь них и увидел Тома, неподвижно уставившегося на дверь, опечатанную полицейской лентой. Дверь оказалась чуть приоткрытой; в комнате было темно.

– Что такое? – спросил я его.

– Добсон, – ответил Том. Когда он наконец повернулся лицом ко мне, в его глазах читался страх. – Он мертв.

Тут я с изумлением понял, что боится он *меня*.

Парень позади меня сказал:

– Это Джеймс Ватсон, тот, который его ударил, – и шепот вокруг меня превратился в гул.

Миссис Данхэм, наша комендантша, успокаивающе положила руку мне на плечо.

– Всё в порядке, Джеймс, – сказала она. – Я буду рядом.

Ее очки съехали набекрень, плюс на ней был идиотского вида шелковый халат поверх пижамы; я вообще понятия не имел, что она ночует в общежитии, и тем более что знает, как меня зовут. Тем не менее я был несказанно ей рад, так как человек в строгой рубашке отошел от полицейских и направился ко мне.

– Джеймс, не так ли? – спросил он, посветив удостоверением. – Мы хотели бы задать тебе несколько вопросов о сегодняшнем вечере.

– Ну уж нет, – сказала миссис Данхэм. – Он несовершеннолетний, для допроса без присутствия опекуна нужно разрешение родителей.

– Мы же не арестовываем его, – настаивал мужчина.

– Все равно, – ответила она. – Школьные правила.

– Ладно. – Детектив вздохнул. – Сынок, далеко твои родители живут?

Он вынул блокнот и ручку из кармана брюк, прямо как в

«Законе и Порядке».

Да, все это и правда напоминало сцену из сериала.

– Моя мать живет в Лондоне, – сказал я, и собственный голос даже мне самому показался фальшивым.

Взгляд Тома становился все более недоброжелательным. Стоявший позади него парень из соседней комнаты тихо заплакал.

– Отец живет здесь, в Коннектикуте, но я не видел его уже несколько лет.

– Можешь дать мне его номер? – спросил детектив, и я достал телефон, чтобы продиктовать номер, по которому сам никогда не звонил.

Детектив сказал что-то еще о том, чтобы я никуда не уходил, поспал, и что они зайдут ко мне в первой половине дня; со всем этим я согласился. Как будто у меня был выбор. Он дал мне свою визитку, на которой деловым шрифтом было отпечатано: «Детектив Бен Шепард». Он не был похож на других полицейских, которых я видел на экране или в жизни. На первый взгляд – типичный первый встречный в супермаркете; но, присмотревшись, я заметил, насколько он внимателен и сосредоточен – как пес, следящий глазами за мячом. Он не был похож на человека с трагическим прошлым, у которого убили мать или брата, после чего он и стал детективом. Он выглядел как человек, который играет со своими детьми в видеоигры. Или без напоминаний моет посуду.

Этот образ хорошего парня обескуражил меня сильнее,

чем если бы он оказался усатым злодеем. Ибо было очевидно, что детектив Шепард считает злодеем *меня*.

Он послал мне якобы ободряющую улыбку. После чего ушел вместе с другими полицейскими, а все остальные еще несколько минут топтались на месте, пока миссис Данхэм не отправила их по комнатам. Проходя мимо, каждый из них толкнул меня плечом. Гарри, Питер, Лоуренс и даже Том в его бессменной вязаной жилетке. Их взгляд говорил одно. *Чужак*, было написано на этих лицах. *Убийца, ты заслужи- ваешь наказания.*

Миссис Данхэм предложила сделать мне какао, но я понятия не имел, о чем с ней разговаривать (впрочем, как и с остальными), так что вежливо отказался, сказав, что просто пойду спать. Как будто спать было хоть сколько-то возможно.

Тома в комнате не оказалось. Наверное, он решил остаться на ночь у кого-то еще, подумал я. Он же теперь меня боится. В ярости я схватил свою подушку и хотел было швырнуть ее в стену, но вдруг замер. Если кто-то узнает, мое положение это точно не облегчит. Именно из-за приступов гнева я так влип, напомнил я себе, так что просто злобно впечатал подушку в кровать.

Из-за приступов гнева и из-за Шарлотты Холмс.

Когда я снова крался по коридору, желтая лента на двери Добсона, отражавшая свет, напомнила мне зеркало, смот-

реть в которое совершенно не хотелось. Я двинулся дальше.

И только возле Лоуренс-холла я понял, что у меня нет ее номера. Ни номера телефона, ни номера комнаты – на самом деле я вообще не был уверен, что она живет именно здесь. Ряды темных окон уставились на меня, а я пытался хоть что-то придумать. Вот-вот рассветет. Фонари погаснут. Девушки, живущие здесь, примут душ, оденутся и отправятся на выход, захватив с собой учебники. Как скоро они узнают, что их однокурсник убит? Как скоро поверят, что это сделал я?

Я даже не знал, что ей скажу, когда найду ее. Что заставит ее поверить в мою невиновность? В последний раз мы виделись, когда тот, кого сегодня нашли убитым, едва не вышиб из меня дух.

Моя решительность таяла с каждой секундой, и я сел на ступеньки у входа в Лоуренс, чтобы подумать. В кампусе было темно и тихо, и только возле Миченера горели огни скорой помощи.

– Ватсон, – раздался громкий шепот. – Джейми Ватсон.

Холмс осторожно выглянула из-за деревьев; я вообще ее там не заметил. Впрочем, неудивительно, ведь она была с головы до ног в черном: брюки, перчатки, пара черных кроссовок, наглухо застегнутая куртка и даже рюкзак на плечах. На фоне всей этой мрачности ее лицо белело как луна, и, взглянув на ее гневно сжатый рот, я понял, что ничего хорошего Шарлотта мне не скажет.

Так что я заговорил первым.

– Привет, – глупо, вполне в моем стиле. – Я искал тебя.

Она широко распахнула глаза и тут же зажмурилась; было видно, что девушка быстро прокручивает что-то в голове.

– Это из-за Добсона.

Я не стал спрашивать, откуда она знает. Это же Холмс. Но, чтобы получить объяснение, удивленный вид пришлось-таки принять.

– В общем, Том написал Лене, Лена написала мне. Довольно просто. К сожалению, я была в этом, когда получила сообщение, – она расстроено указала на свой наряд, – так что решила не появляться в таком виде в общежитии. Дурной тон – в ночь убийства быть одетым, как грабитель, особенно имея свои счета с убитым.

– А, – проговорил я. – А что ты хотела украсть?

Шарлотта еле заметно улыбнулась.

– Пипетки, – ответила она. – Я отправилась в свою лабораторию сразу после ночного обхода.

– Да ты настоящий *ботан*, – сказал я, засмеявшись, и улыбка вновь появилась на ее лице, на этот раз никуда не исчезнув. Невероятно. – У тебя своя лаборатория? Хотя нет. Потом. Добсон мертв, и мы с тобой, определенно, главные подозреваемые, а мы тут *ржем*.

– Я знаю. – Она потеряла глаза. – Знаешь, сначала я подумала, что ты пришел обвинить меня.

Мои брови едва не уползли на затылок от удивления.

– Вовсе нет...

– Я уже поняла, – резко оборвала меня Шарлотта, пробегая по мне внимательным взглядом.

Меня словно рентгеном просвечивали. Ее глаза скользили по моему лицу, пальцам, моим стертым кедам.

– Но я сказала ему, что убью его. По идее, я должна быть твоей главной подозреваемой. А это не так.

На этот не-вопрос у меня имелось множество ответов, например: «Я – Ватсон, для меня генетически невозможно подзревать тебя» или «В моих фантазиях ты никогда не была злодейкой, всегда только героем». Но все, что приходило мне в голову, звучало либо пафосно, либо сопливо.

– Ну, ты говорила, что можешь себя защитить, – сказал я ей наконец. – Так что, если бы его убила ты, готов поспорить, нашлось бы человек двадцать свидетелей того, как он сам приставлял себе к голове пушку.

Холмс пожала плечами, явно довольная услышанным. Минуту мы сидели молча; где-то вдали защебетали птицы.

– Знаешь, – сказала Шарлотта, – этот ублюдок с первого дня домогался меня, как только мог. Орал мне вслед, совал записки под дверь. Шлепнул меня по заднице в очереди на завтрак в тот день, когда брат приехал ко мне на выходные. – Она покачала головой. – Для меня это было непросто, но я не сожгла его напалмом. И даже не расстреляла с дрона. Хотя Майло разработал целый план: подождать несколько лет и сделать так, чтоб он просто исчез из своей постели, словно похищенный инопланетянами. По крайней мере, он так

говорил. Пытался меня подбодрить... – Холмс осеклась; было видно, что она сказала больше, чем намеревалась. – Вообще-то я должна все еще злиться на тебя.

– Но ты не злишься.

– Вот что, хватит нам мыть кости Добсону. – Шарлотта поднялась на ноги и, секунду помедлив, протянула мне руку.

– Не думал, что ты так трепетно относишься к мертвым, – ответил я. – Всего пару часов назад он был жив и здоров и буквально нарывался на порцию напалма.

Вдали поднималось солнце, словно кто-то неторопливо тянул его вверх за невидимую нить. Небо заиграло красками. Волосы Шарлотты отливали золотом, на щеках тоже были золотые блики, а в глазах читалось какое-то сверхъестественное знание.

В тот момент я был готов идти за ней хоть на край света.

– Хватит *обсуждать* Добсона, – сказала она, двинувшись на противоположную сторону двора, – потому что пора пойти осмотреть его комнату.

Я резко остановился:

– Прости, что?

Было уже десять минут восьмого, а мы должны были подняться на второй этаж Миченера. Я не представлял, как нам удастся незаметно прошмыгнуть мимо стола миссис Данхэм, не говоря уже о толпе первокурсников, направляющихся в душ перед завтраком. Тем временем Холмс, нахмурившись,

что-то быстро прикинула, а затем тихо скользнула к заросшему плющом зданию.

Мне было велено ждать, пока она, пригнувшись к земле, исследовала сантиметр за сантиметром. Следы, осенило меня. Кто-то, как и мы, мог попытаться проникнуть в комнату Добсона таким путем. Я беспокойно огляделся, не следит ли кто, но кроны ясеня надежно скрывали нас от посторонних глаз. Слава богу, этот Шеррингфорд был чертовски живописным.

– Четыре девушки. Гуляли здесь вчера вечером, – наконец резюмировала Шарлотта, поднимаясь на ноги. – Их угли хорошо отпечатались. Но в одиночку здесь никто не ходил, даже чтобы покурить. Странно, место подходящее. – Она тщательно отряхнула одежду от травы и грязи. – Должно быть, они прошли через главный вход. Подземных тоннелей, как в Стивенсоне и Харрисе, здесь нет.

– Подземных тоннелей? – спросил я.

– Ты не слишком-то любознателен. Мы это наверстаем, но не сейчас. – Холмс окинула взглядом крепкие каменные подоконники на первом и втором этажах и принялась развязывать шнурки на ботинках.

– Засунь их в мой рюкзак, ладно? – сказала она, ставя ногу в носке на подоконник. – Свои тоже. И надень перчатки. Отпечатков быть не должно. Давай быстрее, кто-нибудь может открыть занавески. Хорошо, что его сосед на соревнованиях по регби.

– А ты точно знаешь, где их комната? – спросил я.

Она бросила на меня такой взгляд, будто я спросил, крутится ли Земля вокруг Солнца. – Ватсон, просто помоги мне забраться.

Я сцепил руки, чтобы Шарлотта могла поставить ногу, и через мгновение она уже карабкалась по плетям плюща к окну Добсона на втором этаже. Ухватившись одной рукой за подоконник, она вытащила из кармана кусок проволоки, согнула один конец зубами и получила крюк. Я не видел, что происходило дальше, но слышал, как она что-то напевает себе под нос. Было похоже на марш Сузы.

– Ну да, – прошептал я. – Мы встретились, когда ты шла именно что в *лабораторию*, ага.

– Заткнись, Ватсон. – Легкая возня, щелчок – и окно открылось. Холмс грациозно, словно танцуя, проскользнула внутрь.

И тут же высунулась в окно.

– Ты идешь?

Я выругался. Громко.

К счастью, я был в хорошей форме – хоть какая-то польза от этого регби. К тому же сантиметров на пятнадцать выше Шарлотты, так что на ветки плюща смог забраться сам. Когда я оказался в комнате Добсона, Холмс рассеянно похлопала меня по плечу; исследование местности уже шло полным ходом.

Обстановка здесь царила типичная для Миченера: чер-

но-белый постер с двумя целующимися девушками и пол, заваленный грязной одеждой. На половине Рэндалла был такой же бардак, но он хотя бы кровать заправил. Простыни на кровати Добсона были скомканы, матрас торчал наружу. Тело, должно быть, увезли в морг.

На прикроватном столике стояло фото в рамке – Добсон, судя по сходству, с сестрой. Оба наклонились к объективу камеры, широко улыбаясь. Я почувствовал укол совести.

Холмс же было не до сантиментов.

– Подержи рюкзак, – приказала она и резко опустилась на четвереньки. Я испуганно отскочил. Шарлотта достала фонарик-авторучку и пинцет – казалось, буквально из воздуха.

– Ты заказала по интернету набор шпиона, что ли? – спросил я раздраженно.

За всю ночь я не поспал и часа и, честно говоря, изо всех сил пытался не запаниковать. Кто угодно сейчас мог войти и поймать нас на месте преступления, которое я вроде как грозился совершить.

Другое дело Холмс. Пока я стоял и трясся от страха, она спокойно и оперативно искала доказательства нашей невиновности. Я снова представил, как мы несемся по движущемуся поезду, и тихо усмехнулся. В реальности это выглядело бы примерно так: она скроется без следа, а я запутаюсь в собственных ногах, меня поймают и будут *пытать водой*.

– Тихо, – шепнула Холмс. – И достань банку для образцов, я кое-что нашла.

Я вытащил из рюкзака маленькую колбу, откупорил ее и наклонился, чтобы Шарлотта могла залезть туда пинцетом. Через стекло образец был похож на кусочек луковой кожуры; пока я его рассматривал, добавился второй, а за ним и третий. Шарлотта отщипнула от ковра немного ворса и поместила в другую банку, затем прошла под кроватью своим куском проволоки, выудив оттуда несколько ручек, старую зубную щетку и еще какой-то хлам. Она осмотрела стакан с молоком возле кровати и старую цуг-флейту, лежавшую рядом. Пальцем в перчатке провела по стене невидимую линию от вентиляционного люка к подушке Добсона. Затем резко подняла глаза к потолку и начала считать, понятия не имею зачем. Каждый издаваемый нами звук, казалось, грозит тюрьмой, и сердце громко стучало у меня в ушах.

Холмс нагнулась, чтобы рассмотреть подушку Добсона, и жестом позвала меня. На подушке все еще виднелась вмятина от его головы.

– Это что, слюна? – спросил я шепотом, указывая на пятно.

– Отлично. – Шарлотта поскребла его острием пинцета. Я вообще-то просто пошутил, но от похвалы не отказался.

– Банку, – потребовала она, и я протянул ей банку.

– Я не вижу крови, – сказал я, и Холмс покачала головой. Крови и правда не было нигде.

В этот момент за дверью слышались шаги и голоса – их было несколько. К своему ужасу я понял, что обсуждают нас

с Добсоном. Вдруг кто-то взволнованно спросил, перекрывая шум:

– Это ведь его комната?

– Надо уходить, – сказал я, и на секунду мне показалось, что Холмс собирается спорить. – *Сейчас Же.*

Я потащил ее к окну – клянусь, я видел, как поворачивается дверная ручка. Не мешкая я повис на подоконнике и прыгнул.

Едва мои ноги коснулись земли, как страх сменился восторгом.

Наверху со щелчком закрылось окно. Холмс приземлилась рядом, я схватил ее за руку и повернул к себе.

– Тебя видели? – спросил я, задыхаясь.

– Нет, конечно.

– Холмс, – сказал я, – это было блестяще.

Снова ее мимолетная улыбка:

– Да уж, пожалуй. Особенно для первой попытки.

– Для первой – то есть ты раньше такого не проворачивала?

Она пожала плечами, но глаза ее блестели.

– Ты привела нас на место преступления, украла улики – отчего мы будем выглядеть еще более виноватыми, – и ты *еще никогда такого не делала?* – Если это прозвучало слегка истерично, то только потому, что я начинал слегка истерить.

Но Холмс уже двигалась дальше.

– Нам надо попасть в мою лабораторию, – сказала она,

вытаскивая свою обувь из сумки, — не вызывая вопросов насчет того, почему это мы вместе. Может, поделимся и встретимся там минут через двадцать? Научный корпус, комната 442.— Она элегантно движением перебросила мне мои кеды. — Не торопись, хорошо? Я хочу добраться туда первой.

Кабинет номер 442 оказался обычной кладовкой.

Большой, конечно, но все же.

Когда я вошел, Холмс уже колдовала над своим оборудованием. Выглядело впечатляюще, до этого я видел такое только в кино — пробирки разного калибра: длинные и узкие, большие и широкие, с таинственной зеленой жидкостью, от которой поднимался пар. Горелки Бунзена сияли, словно софиты. Вся эта конструкция гордо возвышалась в центре комнаты. Пара настольных ламп, закрепленных на книжном шкафу, добавляла света. В шкафу теснилась коллекция потрепанных учебников, начиная от дарвиновского «Происхождения видов» и «Анатомии» Грея до толстенных томов с названиями типа «История почвы» и «Баритсу и вы». Книгам о ядах была выделена целая полка. А в самом низу я заметил биографию доктора Ватсона, ту самую, которую мама запретила мне читать из-за ее скандального содержания (конечно же, я немедленно ее прочел. Оказалось, он очень... нравился женщинам).

Ну а рядом с ней в качестве единственного представителя художественной литературы стояли рассказы доктора Ватсо-

на о Шерлоке Холмсе в красивом кожаном переплете. Полное собрание, всё от «Этюда в багровых тонах» и до «Его последнего поклона». И, судя по потрепанным корешкам, эти книги явно были зачитаны до дыр.

Так что, если у меня и были какие-то сомнения насчет моего участия в этом расследовании – а они были, если честно, и размером с «Титаник», особенно после вторжения в комнату Добсона, – вид этой коллекции немного меня успокоил. Если где-то я и буду на своем месте, так это здесь, рядом с ней, подумал я.

Как бы странно все это ни выглядело.

В кладовке уместилось столько всего, что, узнай кто об этом месте, Шарлотта сразу стала бы Подозреваемой Номер Один во всех **ВООБЩЕ** убийствах в этом мире. Одна стена была украшена сравнительной характеристикой пистолетов, прямо перед которой с потолка свисал скелет огромной птицы (стервятник многозначительно уставился на меня своими пустыми глазницами). Протертый двухместный диван у стены был испещрен кровавыми пятнами – по всей видимости, кровь капала с висящих над ним хлыстов для верховой езды. Здесь были полки, забитые тяжелыми образцами почвы и крови, а также банка с чем-то, похожим на зубы. Рядом с ней стоял скрипичный футляр, единственная «нормальная» вещь в этом чулане.

Я искренне надеялся, что никому, кроме меня, Холмс это место не показывала. В противном случае ее точно посадят.

– Ватсон, – держа щипцы в руке, она указала на диван, – садись.

Я скривился.

– Кровь давно засохла, – добавила она таким тоном, как будто это меняет дело.

То, что я все-таки послушался, наглядно показывает, насколько я был вымотан.

– Как дела с... тем, что ты там делаешь? Кстати, что ты нашла?

– Двенадцать минут, – сказала она и вернулась к своим опытам.

Я ждал. С нетерпением.

– Не люблю строить гипотезы, не располагая достаточным количеством фактов, – произнесла наконец Шарлотта. – Но моя находка говорит о том, что наш убийца не собирался полагаться на случай. Он использовал минимум два, а то и три вида яда.

– Яда? – переспросил я с нескрываемым облегчением в голосе.

Я вообще ничего не знал о ядах, а значит, никак не мог быть связан с убийством Добсона.

А вот Холмс могла.

Я сглотнул.

– Я думал, ты на втором курсе. У тебя же еще не было химии.

– Здесь не было, – сказала она, держа пипетку на свету. –

Но когда-то я занималась с репетитором.

Ну конечно. Я снова вспомнил слова моей матери о том, что Холмсы с рождения дрессировали своих детей на предмет дедукции. Интересно, чему еще научилась Шарлотта в своем огромном пустынном поместье в Сассексе.

Она прочистила горло.

– Как защищать себя. Как бесшумно передвигаться по комнате, как обнаружить все возможные выходы из помещения за считанные секунды. Планы целых городов, начиная с Лондона, включая названия всех фирм на каждой улице, и как быстрее туда добраться. Как разгадать мысли и поведение других. Благодаря этому можно определить их мотивы. – На мгновение ее глаза потемнели, но лицо прояснилось так быстро, что я решил, будто мне померещилось. – Ну и по обычной школьной программе меня тоже обучали. Такого ответа достаточно?

Я не представлял, как разговаривать с человеком, который читает твои мысли.

– Звучит невероятно, – сказал я искренне, – но не уверен, что хотел бы всегда знать, о чем думают другие. Откуда они, чего они хотят. А как же тайна?

Она пожала плечами, как мне показалось, с напускным равнодушием.

– Ну, не у всех же тяга к анализу. Но у нас в семье не любят хранить тайны. Мы любим их разгадывать.

Я хотел задать еще пару вопросов, но усталость взяла свое.

Я попытался подавить зевок.

– Сколько времени?

– Восемь, – ответила она, капая прозрачной жидкостью на стекло. – С минуты на минуту всем придет оповещение, что занятия отменяются из-за убийства. Думаю, факультативную консультацию с психологом мы можем пропустить.

– Разбуди меня часа через два. – Мне пришлось свернуться клубком, чтобы поместиться на диване.

Натягивая на себя куртку, я на секунду поймал внимательный взгляд светлых глаз Холмс, но она быстро отвернулась.

Я проснулся в холодном поту, во рту был неприятный привкус. В кармане жалобно пропищал мой телефон, предупреждая, что батарея вот-вот сядет. Мгновение я с ужасом пытался сообразить, где я. Я посмотрел вверх, увидел изогнутые кончики хлыстов для верховой езды и вспомнил. Наверное, как-то неправильно, что меня это успокоило.

– Опыт длится уже час, – сказала Холмс из-за стола с химическим оборудованием.

В таком виде я никогда еще ее не видел: рукава куртки закатаны по локоть, волосы распушились от жары в нашем крошечном закутке.

– И ты меня не разбудила? Который час вообще?

– У тебя на руке часы.

– Холмс, сколько времени?

Она посмотрела на меня отрешенным взглядом:

– Семь?

Я выругался и принялся выковыривать телефон из кармана. Без пяти двенадцать. Мне пришло сообщение от школы, что все занятия отменяются, а в медсанчасти можно получить помощь психолога. И еще тринадцать пропущенных вызовов. Десять из них были от моего отца, как минимум два из Англии – «номер не определен», – и один с незнакомого местного номера. Я прослушал сообщение с голосовой почты.

«Это детектив Шепард, мне нужен Джеймс Ватсон...»

За столом Холмс рассматривала дно колбы Эрленмейера.

– Желтый осадок, – сказала она больше самой себе, чем мне. – Великолепно. Просто идеально.

Фальшиво напевая себе под нос, она перелила раствор в пробирку, закупорила ее и опустила в карман.

Я дослушал сообщение Шепарда, чувствуя, как от страха скрутило живот.

– Где здесь уборная? – сонно спросил я. – Мне надо умыться.

Она молча показала на раковину в углу, и я ополоснулся холодной водой.

– Судя по тому, что сказал детектив, – начал я, – они уже пообщались с моим отцом, который, видимо, считает, что я уже лезу в петлю, поэтому мы все встречаемся в моей комнате через тридцать минут. Что я ему скажу?

Конечно, этот вопрос был риторическим, хоть и весьма деликатным, но Холмс отошла от стола и села на потрепанный подлокотник дивана.

– Твоему отцу? – спросила она, и я кивнул. Ее сложенные в замок руки лежали у нее на коленях, и я заметил мелкие шрамы на внутренней стороне одного из локтей. Тут я вспомнил слова той рыжеволосой, что ее деньги уходят ей в вену.

– Я не видел его с двенадцати лет.

– Расскажешь почему? – спросила Шарлотта.

Было ясно: она знает, что так должны вести себя друзья – проявлять интерес к жизни друг друга, выслушивать, если друг расстроен, – и изо всех сил пытается это изобразить. Но так же ясно было, что она предпочла бы прогуляться по оголенным проводам.

Впрочем, она могла спросить и развлечения ради. Черт ее разберет.

– Лучше ты мне расскажи, – ответил я. – Я уверен, ты уже кое о чем догадалась. Прочитала по невидимым следам на моем мизинце.

– Вообще-то это не шутка.

– Знаю, – отозвался я. – Но, может, к этому лучше относиться попроще. Нам обоим.

– Попроще? – вздохнула Холмс и бросила мне куртку. – Поторапливайся, а то опоздаем.

Резкий ветер гулял по двору, но небо над головой было

пронзительно-ясным. Ученики, сбившись в группы по два-три человека, прятались от холода. Проходя мимо, я успел заметить, что некоторые плакали не стесняясь; первокурсники, вероятно даже не знакомые с Добсоном, обнимали друг друга.

Но когда показались мы с Холмс, они просто... забыли про все. Забыли про свои разговоры, про слезы и душераздирающие истории. Один за одним, они поворачивались к нам; слышался шепот.

Своей миниатюрной белой ручкой Холмс взяла меня под локоть и потащила вперед.

– Так вот, – заговорила она быстро. – Твои родители англичане, но вырос ты в Америке; это мне рассказывали про тебя дома. Акцент у тебя слабый, но интонации чисто лондонские. Лондон ты, конечно, обожаешь; моя манера речи напомнила тебе о нем, это было у тебя на лице написано. Похоже, ты провел там очень важный для тебя период жизни. Учитывая тот факт, что ты сейчас сказал «уборная», а не «туалет» и кое-какие другие примеры, ты стараешься избегать сленга – наверное, чтобы не пришлось выбирать, кем быть: англичанином или американцем. Получается, ты переехал в Лондон лет в одиннадцать или двенадцать. Я права?

Я ошалело кивнул.

Непросто было все это слушать. Непросто было смириться с тем, что любое из моих бездумно брошенных слов или действий говорит о моем прошлом – надо просто знать, ку-

да смотреть. Но еще сложнее было в тишине идти по двору, пока вся школа играет в судью, присяжных и палача. Мне кажется, она понимала это. Потому и приберегла свою речь для улицы: чтобы убить двух зайцев, так сказать.

– Эта куртка досталась тебе от кого-то. Она была сшита в семидесятые, судя по крою и этой ужасной коричневой коже; в целом, конечно, на тебе сидит хорошо, но чуть широковата в плечах. Я бы сказала, что ты купил ее в секонд-хенде – винтаж, все дела, – но остальная твоя одежда не старше двух лет. Так что либо куртка перешла к тебе по наследству, либо это подарок. – Она засунула руку мне в карман и вывернула его. – Пятна от фломастера, – сказала она довольно. – Я увидела их еще на диване. Сомневаюсь, что прошлой зимой ты таскал с собой маркеры. Нет, скорее всего, куртка была у тебя дома еще в детстве, и либо ты, либо твоя младшая сестра как-то раз сделали из нее костюм учителя рисования.

– Я не говорил тебе, что у меня есть сестра, – сказал я.

Она кинула на меня сочувственный взгляд:

– Это и так понятно.

– Ладно, куртка моего отца. – Довольно неприятно, когда тебя вот так препарируют. – И что?

– Ты носишь ее, – сказала она. – А это значит, что ты не испытываешь к нему ненависти. Это было бы слишком просто. И здесь уже нужно углубляться в психологию, но, извини, я ее *не выношу*. Могу только предположить, что ты ее носишь, потому что где-то глубоко внутри скучаешь по нему.

Ты переехал в Лондон, когда тебе было двенадцать, но твой отец остался здесь. Ты называешь его «мой отец»; ты не говоришь «папа». Само упоминание о нем тебя напрягает; ну а поскольку мы уже выяснили, что он тебя не бил, думаю, твой страх породило долгое молчание. Ну и последнее – твои часы.

Мы почти дошли до Миченер-холла, и Холмс остановилась, протянув руку. Похоже, выбора у меня не было: я растегнул ремешок и передал ей часы.

– Это первое, что я заметила при встрече с тобой, – сказала она, изучая их. – Они гораздо дороже, чем все остальные твои вещи. Слишком большой циферблат. И гравировка сзади – да, вот и она: «Джейми на его шестнадцатилетие, с любовью ДВ, ЭВ, МВ и РВ».

Глаза Шарлотты светились – не от радости открытия, а от удовольствия снова оказаться правой, – и тут я начал понимать, каково это – ненавидеть ее.

– Продолжай, – сказал я, лишь бы это все поскорее закончилось.

Она стала загибать пальцы.

– Детское прозвище, которое ты теперь не переносишь, – значит, сейчас он мало о тебе знает. Чрезмерно дорогой подарок для подростка? Многолетнее чувство вины. Но главное здесь – *имена*. Это подарок не только от него; он хотел подчеркнуть, что он от всей семьи. Его *новой* семьи. Твою мать зовут Грейс, мне тетя говорила. Так что «Э» – это...

допустим, Энн, а «МВ» и «РВ» – твои брат и сестра по отцу. Даже его подарок тебе на день рождения – это нелепая попытка купить твою любовь. Вы не разговаривали годами, потому что он, скорее всего, изменял твоей матери с... Энн? Элис? Когда твои родители развелись, он остался в Америке и завел новую семью. Бросив, как тебе показалось, тебя и твою сестру.

Но твоя мать не держит на него зла: она не заставила тебя убрать этот нелепый подарок подальше, пока ты не подрастешь. Эти часы стоят не меньше трех тысяч. Нет, она позволила тебе их носить. Несмотря на развод, они сохранили хорошие отношения; наверное, она рада, что он живет своей жизнью, так как сама она стала жить ею еще до того, как их браку пришел конец. В любом случае она бы расстроилась, узнав, что вы с ним не ладите – мальчику нужен отец, и все такое. Твоя мачеха, должно быть, моложе ее, но не настолько, чтобы вызвать ее недовольство.

– Эбигейл, – сказал я. – Ее зовут Эбигейл.

Холмс пожал плечами; это была мелочь.

Во всем остальном она попала в точку, в десятку, в яблочко.

Холодный ветер ударил мне в лицо и растрепал ей волосы, так что я не видел ее глаз. – Знаешь, прости, – сказала она так тихо, что я едва расслышал. – Я не хотела... задеть тебя. Это просто то, что я увидела.

– Я знаю. Отличная работа, – ответил я, и это было прав-

дой.

На самом деле я злился не на Шарлотту, а на само то, что мне пришлось вспомнить все, сделанное моим отцом. И на то, что мне до сих пор от этого больно. Еще я злился на себя за то, что мне страшно даже смотреть на эти тяжелые деревянные двери Миченер-холла и думать о тех, кто ждет меня внутри. Мой отец. Детектив. Я невиновен, напомнил я себе.

Почему же мне так паршиво?

Она снова взяла меня за руку.

– А еще ты носишь эту куртку, потому что считаешь, что похож в ней на Джеймса Дина, – сказала она, когда мы вошли. – Глаза – да, но у тебя совсем другой подбородок, и хоть ты и симпатичный, но не похож на страдающего актера. Больше на поджарого библиотекаря. – Она задумалась на секунду. – Что, наверное, не так уж и плохо.

Нет, никто, кроме меня, не стал бы терпеть эту девушку.

– Ты *ужасна*, – сказал я и тут же все ей простил.

– Вовсе нет. – На ее лице было написано облегчение. –

Что во мне ужасного? Давай примеры. По пунктам.

– Джейми? – раздался робкий голос у меня за спиной. –

Это ты?

Я обернулся. Передо мной стоял мой отец.

Три

Всю жизнь мне говорили, что я – копия своего отца, и вот теперь, через годы разлуки, я отчетливо это видел. Темные непослушные волосы – правда, у него на висках уже проби- валась седина, – такие же темные глаза, упрямый подборо- док. Упрямство Ватсонов, говорил он мне много лет назад, отлично сочетается с их тягой к приключениям. Что ж, вот до чего эта тяга меня довела: мертвый урод-женоненавист- ник, я – главный подозреваемый, и теперь меня ждет допрос в присутствии отца, с которым я почти не общаюсь. Детектив Шепард застыл в нескольких шагах за моей спиной. Видимо, кто-то поведал ему нашу семейную историю, и он решил дать нам двоим немного времени. Где-то на заднем плане шумно возилась с электрическим чайником миссис Данхэм. На ее

столе уже выстроились в ряд разнокалиберные кружки.

– Я завариваю чай, – зачем-то пояснила она. – Здесь столько англичан. Полагаю, он будет кстати.

Что ж, не так уж далеко от истины.

– Ура, – хором сказали мы с отцом.

Сидящая рядом со мной Холмс тихо усмехнулась.

Глаза отца загорелись при взгляде на нее – очевидно, он лихорадочно подбирал слова.

– Ну, Джейми, может, представишь меня своей девушке?

Шарлотта вцепилась в мою руку – думаю, от ужаса. Смелости поглядеть ей в лицо мне не хватило.

– Это Шарлотта Холмс, – сказал я тихо. – И она не моя девушка.

Не знаю, на какую реакцию я рассчитывал. Мать сжала бы губы и промолчала, чтобы потом высказать мне свои претензии один на один. «Она какая-то бледная и недружелюбная, тебе не кажется?» И потом, категорично: «Знаешь, с ней тебя ждет одно разочарование».

Отец же пришел в восторг.

– Шарлотта! Великолепно! – воскликнул он и, к нашему с Холмс изумлению, крепко ее обнял. Она даже пискнула. Я и не думал, что Шарлотта способна издавать такие звуки. – Знаешь, я присылал сыну все упоминания в прессе о тебе. Твоя работа над делом о бриллиантах Джеймсона была изумительной, да еще и в таком юном возрасте! Ты ведь помнишь эту историю, Джейми? Как она подслушала разговор

своего брата Майло со Скотленд-Ярдом. Спряталась за диваном в библиотеке, так это было? После чего цветными карандашами написала им письмо, где подробно рассказала, как найти украденное. Изумительно.

После этого сообщения отец отпустил Шарлотту, и она слегка покачнулась.

– У меня никогда не было цветных карандашей, – пробормотала она, но отец, похоже, не услышал. Миссис Данхэм, посмеиваясь, сунула ей в руки кружку с чаем.

– Погодите. – Детектив Шепард прокашлялся. – Так вы та самая Холмс? Тогда, получается, вы...

– Да-да, – перебил мой отец, махнув рукой. – Тот самый Ватсон. Давайте уже сядем и разберемся со всем этим. Джейми, где твоя комната? Я так понимаю, наверху. – И он направился к лестнице.

Детектив последовал за ним.

– Ей и правда было десять? – спросил Шепард, и смех моего отца эхом прокатился по лестнице.

Холмс оторопело вцепилась в свою кружку:

– Он меня обнял.

– Знаю, – сказал я, направляясь следом за ними.

– Кажется, он может начать мне нравиться, – уныло произнесла она.

Я вернулся и принялся подталкивать ее вверх по лестнице.

– Не расстраивайся, – ответил я. – Он всем нравится. Кро-

ме меня.

Первое, о чем известил нас детектив, – у нас обоих есть алиби на прошлый вечер, спасибо нашим соседям. Второе – эти алиби не имеют никакого значения.

– Опираясь на данные судебной экспертизы, – говорил он, усевшись в мое рабочее кресло, – мы рассматриваем несколько версий. И мы не сужаем круг до одного лишь вчерашнего вечера. Я хочу услышать полную историю того, что произошло между вами и Ли Добсоном. А еще мне крайне интересно, как это вы вдруг стали друзьями не разлей вода, несмотря на то что все вокруг утверждают обратное. – Прищурив глаза, он посмотрел на Холмс, потом на меня. – Я не планировал допрашивать вас вместе, и не уверен, что имею право. Мисс Холмс, поскольку ваших родителей здесь нет...

– Проверьте свою электронную почту, – сказала она спокойно. – Там письмо от моих родителей, они разрешают мистеру Ватсону выступить в роли моего опекуна.

Пока Шепард доставал свой телефон, мой отец вытащил блокнот и ручку из внутреннего кармана пиджака.

– Вам не нужно ничего записывать, – удивленно сказал детектив.

– О нет. Это я для себя. – Отец улыбнулся. – Интересуюсь преступлениями.

Шепард взглянул на меня в надежде на помощь, я же только пожал плечами, усаживаясь на кровать. Не мне указывать

отцу, что делать.

Холмс довольно быстро рассказала свою версию событий. Она приехала сюда учиться, Добсон сразу начал к ней приставать. (Что он обзывал ее наркошей, она, понятное дело, упоминать не стала, но я видел, как она одергивала рукава, пересказывая то, что он ей говорил.) Она никогда прежде не училась в колледже и, по ее словам, не знала, как быть с его домогательствами. Другие все это тоже видели – она назвала Лену и своего брата на случай, если Шепард захочет проверить ее слова.

– Но смерти я ему точно не желала. – В ее голосе зазвучала сталь. – Конечно, я хотела, чтобы он прекратил.

Но, честно, я была в норме. Его поведение особо не повлияло на мою жизнь.

Я вспомнил, как она насторожилась, когда я впервые подошел к ней во дворе. «Кто подкинул тебе эту идею? Добсон?» Но не мне ее судить, так как и я, когда настала моя очередь, тоже не был абсолютно честен. Да, я действительно врезал Добсону, потому что он оскорбил девушку, друга семьи, и при этом никто другой его не остановил. Да, есть и другие способы разбираться с проблемами; и, да, если бы я мог повернуть время вспять, то решал бы вопрос словами, а не кулаками. (Ложь.) Мы с Холмс поссорились, причем у всех на глазах, но я заверил детектива, что на следующий же день отыскал ее, чтобы все уладить. (Ложь.) Я видел, что мой рассказ вызывает у отца горячее одобрение, кото-

рое он тщетно пытался скрыть. Когда я описал свой правый хук Добсону в подбородок, он что-то записал в блокнот, еле сдерживая ухмылку. Честно, с таким примером для подражания удивительно, что я до сих пор не сел за решетку.

Детектив в свою очередь задавал нам простые вопросы, крутя в руках свой диктофон: мы дали разрешение на аудиозапись. Наконец я рассказал, что утром смылся из своей комнаты, чтобы проведать Холмс (отчасти правда), что мы в итоге спрятались в ее лаборатории от наших одноклассников (правда, хоть порядок действий и нарушен), и умолк. Шепард демонстративно пролистал свои записи.

– Думаю, на этом всё, – сказал он, и я потянулся за своей курткой. Но не успел встать, как он поднял руку.

– Хотя нет, не совсем: когда мы обнаружили тело Добсона, в руках он держал библиотечный экземпляр «Приключений Шерлока Холмса». С закладкой на кое-каком рассказе. А еще у вас с ним был секс. С Добсоном. – Лицом он повернулся к Холмс, но глазами следил за мной. Мой отец перестал записывать.

Такого поворота я не ожидал.

Меня бросило сначала в холод, потом в жар. Я даже подумал, что сейчас меня стошнит на ковер. Значит, Добсон не врал. Толстошей, хрюкающий Добсон, который однажды хвастался тем, что дрючил в общей душевой. Я был готов его убить. Поймать и задушить голыми руками, даже если для этого придется сначала его воскресить.

Я почувствовал, как Холмс рядом замерла.

– Да, был, – признала она.

Сквозь знакомый до боли рев крови в ушах я услышал голос детектива:

– Тогда почему вы решили скрыть этот факт? И не только от меня. Судя по всему, ваш друг тоже не в курсе.

Я втиснул кулаки себе под колени. Я дышал вообще? Трудно сказать. Да и какая разница.

– Потому что в тот раз я приняла довольно большую дозу окси⁷, – холодно ответила она, – и если бы это вскрылось, меня отчислили бы. Что вам на самом деле следовало бы спросить – это был ли половой акт совершен по обоюдному согласию. Учитывая мое состояние – не был. – Она замолчала. – Еще вопросы?

На последнем слове ее голос сорвался.

Тут мне пришлось выйти.

Я бродил по коридору туда-сюда, и меня трясло. Если у меня еще не было репутации агрессивного придурка, то теперь я ее точно заработал: Питер, в банном халате и с принадлежностями для душа в руках, показался в дверях своей комнаты, но, увидев, как я бью кулаком в стену, тут же шмыгнул обратно. Послышался щелчок замка.

Вот и хорошо, подумал я. Первый, кто не так на меня

---

⁷ Имеется в виду оксикодон, сильное обезболивающее, которое может оказывать наркотический эффект.

взглянет, получит то, что предназначалось Добсону.

Ну а Холмс... думать о ней было невыносимо. Конечно, то, что она на тяжелых наркотиках, не было новостью: и без школьных слухов я был в курсе долгой семейной истории Холмсов с кокаином и клиниками реабилитации. Если верить рассказам моего прапрапра-прадедушки, Шерлок Холмс всегда обращался к своему семипроцентному раствору, когда у него не было дела. Он говорил, что ему нужна стимуляция, и доктор Ватсон сопротивлялся лишь для видимости. Шарлотта же выбрала окси. Очевидно, в этой семье остаются верны старым привычкам.

Но я не мог перестать *представлять* себе, как Холмс лежит на этом продавленном диванчике в своей лаборатории, томно прикрыв лицо одной рукой, а рядом валяется пустой пластиковый пакетик. От этой картины мне скрутило живот – ее глаза неестественно блестят, лоб покрыт испариной. И тут в дверях появляется Добсон, говорит свои мерзости.

Как это произошло? Она вырывалась?

Мое дыхание участилось, как на пробежке. На секунду я задумался. Лицо Добсона. Пустой мешочек. Я со всей силы врезал кулаком по стене.

В коридор выглянул отец.

– Джейми, – сказал он тихо, и это переполнило чашу.

Слезы для меня – последнее дело. Дракой ничего не решишь, это я понимаю, но чем слезы лучше? Мгновенное облегчение, которое лично у меня всегда сменяется жаркими

волнами стыда и беспомощности. Ненавижу это. Что угодно, только не беспомощность.

Думаю, в этом мы с Холмс похожи.

Промелькнула мысль, что сейчас отец обнимет меня, как обнял ее, но он просто положил руку мне на плечо.

– Это хуже всего, правда? – спросил он. – Чувство, что ты ничем не в силах помочь.

– Я не убивал его, пап, – сказал я, со злостью вытирая лицо. – Но хотел бы.

– Не вини ее, – сказал отец. – Думаю, она и сама прекрасно с этим справляется.

Я отшатнулся.

– Мне бы и в голову не пришло винить Холмс. Это не ее вина.

На это отец с грустью улыбнулся:

– Ты хороший человек, Джейми Ватсон. Твоя мать правильно тебя воспитала.

Нет, только не это, не сейчас. Похоже, отец все понял по моему выражению лица. Я ждал, что он будет уговаривать меня поехать к нему домой – после всего случившегося было бы логично, – но нет.

– Приезжай на ужин в следующее воскресенье, – сказал он вместо этого. – Вместе с Шарлоттой. Уверен, мясной пирог ты не разлюбил.

Причин отказываться вроде как не было, и, пока я пытался их придумать, он добавил:

– Нас будет только трое.

Значит, без его семьи. Неожиданно для себя я кивнул.

Детектив Шепард вышел в коридор, сопровождая побледневшую Холмс. Она была натянута как струна, но по-прежнему невозмутима. Я отдавал должное ее выдержке, но все равно хотел бы оказаться от нее как можно дальше.

– Ну, тогда до следующего воскресенья, – сказал отец, взглядом предостерегая детектива от дальнейших расспросов.

Шепард постоял с минутку в неловком молчании:

– Никто из вас не должен покидать город, не предупредив меня. Потом еще поговорим. – И он стал спускаться по лестнице вслед за моим отцом.

Мы с Холмс уставились друг на друга.

– Ты плакал. – Голос еще более хриплый, чем всегда. Рука неуверенно потянулась к моему лицу. – Почему?

Мне хотелось наорать на нее. Я же не робот. Я не могу отключить свои эмоции, и, как бы она ни притворялась – этот безупречный вид, эта манера четко выговаривать слова, – я знал, что и она не может. Они будоражат ее где-то очень глубоко, и мне хотелось увидеть их, силой вытащить наружу.

Как будто у меня было на это право.

Но я просто накрыл ее холодную руку своей:

– Я не буду принуждать тебя говорить об этом, – сказал я.

– Да, – ответила она, убирая руку. – Не надо.

– Ладно. – Я глубоко вдохнул, чтобы прийти в себя. – Ты

отдала ему то, что спрятала в карман? Ту пробирку?

– Да.

Будто клещами тянуть приходится.

– Не хочешь рассказать, что в ней было?

Шарлотта посмотрела на меня оценивающе.

– Ватсон, – сказала она, – похоже, нас подставили.

Миссис Данхэм заявила, что не выпустит нас, если мы не пообещаем первым делом обратиться в медпункт. Я до крови разбил костяшки ударом об стену, пальцы посинели и распухли. Холмс заверила, что мы так и сделаем, и терпеливо сидела рядом, пока меня осматривала медсестра.

– Ты к нам зачастил, – хмыкнула она, протягивая мне бинты и пакет со льдом.

Холмс заскочила в столовую, чтобы сделать нам по сэндвичу, а я остался ждать у дверей. Удивительно, что она вообще вспомнила о еде. Конечно, я был голоден как волк, но совершенно об этом не думал. Наверное, мы оба были слишком расстроены и погружены в себя, чтобы реагировать на происходящее снаружи. Взгляды и шепот во дворе больше меня не волновали. Еще бы. У меня были проблемы куда серьезнее. Мы дошли до кабинета 442, Холмс достала связку ключей и впустила нас внутрь.

– Как тебе вообще удалось уболтать их дать тебе лабораторию? – спросил я, найдя наконец нейтральную тему для разговора.

– Такое условие поставили мои родители, – объяснила она. За время нашего отсутствия в лаборатории ничего не изменилось: все тот же странный темный чулан. – В Шеррингфорде были согласны на все, лишь бы я здесь училась. По бумагам то, чем я здесь занимаюсь, называется независимыми исследованиями.

Я усмехнулся:

– Исследованиями чего? Убийств?

В ответ она состроила мне гримасу.

На пару минут я забыл о Добсоне, но вид того самого дивана все испортил. По моему взгляду Шарлотте все стало ясно; она резко захлопнула дверь.

– Не здесь, – сказала она будничным тоном. – Это случилось в Стивенсоне. Да, обычно я принимаю окси здесь, вместе с транквилизаторами, но не в тот раз. Да, это сильно меня расстроило; да, я тоже расстраиваюсь. Нет, в подробности вдаваться не хочу. Не хочу, чтоб ты все это *знал*. Я его не убивала и не нанимала никого, чтобы его убить. И вообще к его смерти отношения не имею. Как ты уже знаешь, я могу за себя постоять. Так что перестань меня жалеть.

– Я не жалею тебя, – сказал я изумленно. Она отвернулась к стене, но я все равно видел, как она закрыла глаза и принялась тихонько считать до десяти.

– Ну да, – сказала она не оборачиваясь. – Ты просто решил переживать все те чувства, какие я не могу или не хочу испытывать. С ума сойти. Мы дружим-то меньше одного

дня. — Она замолчала. — Хотя, конечно, нас обоих сложно назвать вполне нормальными.

Прежде в *моей* нормальности никто не усомнился бы. В ее — другое дело.

После долгого молчания я опустил на этот мерзкий диван.

— Твой обед, — заметил я, подбирая сэндвичи, которые она уронила на пол. — Нормальные люди обедают, так что эти пять минут побудем нормальными. Ну а после можешь рассказать, кто пытается нас подставить.

Холмс плюхнулась рядом.

— Пока не знаю, — сказала она. — Мало данных.

— Сейчас мы — нормальные, — напомнил я. — Хотя бы попытайся.

Я с жадностью проглотил свой сэндвич, весьма скромный — белый хлеб, пастррома, листья салата. Ни соуса, ни специй. Только богатая девица с личным поваром и аппетитом колибри могла сделать такой сэндвич, так что удивляться было нечему. Холмс же откусила максимум пару раз, уставившись куда-то вдаль.

— О чем говорят нормальные люди? — спросила она.

— Футбол? — рискнул я. Шарлотта закатила глаза. — Ладно. Видела это новое кино про копов?

— Художественные фильмы — потеря времени, — заявила она, вытащив лист салата из своего сэндвича и отщипнув кусочек. Улитка. Улитки так едят. — Меня больше интересуют

реальные события.

– Например?

– В Глазго на прошлой неделе произошла очень любопытная серия убийств. Три девушки, каждая задушена собственными волосами. – Холмс улыбнулась своим мыслям. – Умно. Сказать по правде, я вообще не выходила из лаборатории с этим делом, так увлеклась. Подкинула несколько идей своей знакомой в Скотленд-Ярде, так она хотела, чтобы я прилетела помочь в расследовании. Ну а потом случилось это.

– Как некстати, – заметил я.

Сарказм она, естественно, не уловила:

– Да, верно же?

– Ладно, с нормальным обедом не прошло, – сказал я, – так что просто продолжай. Почему нас подставили?

– Ты задаешь неправильные вопросы. – Она встала, уронив сэндвич на пол. Я поднял его и кинул в мусорку. – Сейчас мы не на стадии «кто» или «почему», Ватсон: мы все еще разбираемся с «как». Можно теоретизировать сколько угодно, но без фактов это бесполезно.

– Не понимаю, – честно признался я.

Клянусь, она едва не топнула ногой от досады.

– Факт первый: Ли Добсон приставал ко мне целый год до двадцать шестого сентября, когда он меня изнасиловал. Факт второй: ваше столкновение с Добсоном произошло третьего октября. Факт третий: Добсон был убит во вторник, одиннадцатого октября, достаточно быстро, чтобы можно было свя-

зять все эти события воедино. Когда придут результаты экспертизы, они подтвердят, что Добсон был отравлен мышьяком, причем травили его постепенно, начиная с того дня, когда ты его ударил, и увеличивая дозу до момента его смерти. Уверена, что и сосед по комнате, и медсестра подтвердят его жалобы на головные боли, тошноту и так далее.

– Господи. – Я вытаращился на нее. – Мышьяк? Только не говори, что у тебя есть к нему доступ.

– Ватсон, – сказала она спокойно, – мы в научном корпусе, а у меня есть ключи.

Я схватился за голову.

– В руках у него был томик рассказов твоего пра-прапрапрадеда. А еще станет известно, что вчера Добсона укусила гремучая змея, возможно даже уже после смерти, когда кровь еще не остыла. Помнишь эти чешуйки на полу? – Наклонившись, она вытащила с нижней полки своего шкафа книгу и кинула ее мне. «Приключения Шерлока Холмса». Я был ошарашен. – Нет? А стакан молока возле кровати? Или вентиляционный люк над ней? Давай, Ватсон, соображай!

Я кинул взгляд на книгу в моих руках, все еще не веря в то, что она имеет в виду.

– Ты шутишь.

– Какие уж тут шутки. Это была реконструкция «Пестрой ленты».

«Пестрая лента» – один из самых знаменитых рассказов моего прапрапрапрадеда: пожалуй, он страшнее остальных,

а еще в нем больше всего фактических ошибок. Как и многие истории доктора Ватсона, «Пестрая лента» начинается с того, что в дом 221Б на Бейкер-стрит обращается за помощью до смерти напуганная женщина. Ее сестра умерла два года назад ночью, при загадочных обстоятельствах, и теперь Элен Стоунер, клиент Холмса, должна переехать в ту же спальню накануне своей свадьбы – этого требует ее ужасный отчим. Во время своего расследования Шерлок Холмс и доктор Ватсон обнаруживают, что кровать в этой комнате привинчена к полу. К ней тянется шнурок от звонка для прислуги, свисающий из вентиляционной отдушины, которая ведет прямо в комнату отчима Элен, расположенную рядом.

Там Холмс находит блюдце с молоком, плетку и запертый сейф, а позднее, устроив засаду, и индийскую болотную гадюку (ту самую пеструю ленту из названия); именно ее Злой Отчим использовал для убийства своих приемных дочерей, управляя змеей с помощью свистка и пряча ее в сейф, когда дело было сделано.

Джон Х. Ватсон был доктором, писателем и, судя по всему, хорошим человеком, но уж точно не зоологом. Не существует болотной гадюки. Объяснение, будто Холмс догадался, что в доме есть змея, увидев блюдце с молоком, – чушь, змеи абсолютно к нему равнодушны. Также они не слышат звуков, а ориентируются на вибрацию, так что свистком их не приманишь. Зато дышат они исправно, поэтому в сейфе змея просто задохнулась бы.

В детстве я любил пофантазировать вместе с отцом, что же на самом деле произошло, раз доктор Ватсон ввернул в рассказ столько небылиц. Моя любимая версия звучала так: в тот день на Бейкер-стрит он проспал, пропустил рассказ клиента и само расследование, а подробные объяснения Холмса постфактум слушал вполуха.

Во всяком случае, примерно так вел бы себя я.

– Кто бы это ни был, он нас дразнит, – говорила Холмс, расхаживая по лаборатории как тигр по клетке. – Мышьяк и так прикончил бы Добсона. Змея – просто дурацкий жест, послание. Конечно же, наш преступник не смог достать болотную гадюку, твой прапрапрадед ее выдумал. – Она сказала это с таким презрением, что я закатил глаза. – Но сам подумай, Ватсон, зачем Добсону стакан с молоком? В его комнате нет холодильника; пришлось бы нести его из столовой после ужина. И я допускаю, что Ли Добсона вдруг накрыла любовь к народной музыке, но цуг-флейта – это уже как-то слишком. Для полиции эти предметы не важны.

Получается, убийца оставил их для нас, так как знал, что мы проведем собственное расследование.

– С нами играют, – сказал я. – Но почему он хочет, чтобы мы с тобой об этом знали?

– *Мы с тобой*, это важно. – Она подняла бровь. – Добсон весь прошлый год меня преследовал – и ничего. Но вот появился ты – и завертелось. Мы начнем с тех, кто прибыл сюда летом, ну или с тех, кому особенно выгодно избавиться

от нас обоих.

Зачем я вообще кому-то сдался? Холмс – тут все понятно. Она была умнее, *чем*; быстрее, *чем*; смелее, *чем*... – в этом уравнении нужна вторая переменная, чтобы оно имело смысл. Может, я просто попал под раздачу. Может, это какая-то ошибка. Моя жизнь, как бы я ни мечтал об обратном, оставалась скучной до безобразия. Охотиться на меня причин не было.

Но если бы Холмс поняла, сколь незначительна в действительности моя роль в происходящем, она бы просто выставила меня за дверь. В мир домашки по химии, пошлых шуточек Тома и прочих атрибутов моей американской ссылки. В мир, где она недостижима и я могу видеть ее лишь во сне. Только в этот раз мне было бы гораздо хуже, ведь я бы знал, что теряю.

Я решил помалкивать.

Холмс остановилась и прислонилась к стене. Я вспомнил, что она совсем не спала прошлой ночью. Не знаю, как она вообще держалась на ногах.

– Полиция не позволит нам участвовать в расследовании, даже без вмешательства Шепарда, – сказала она. – Идиоты. Думаю, им не понравилось, что я была на месте преступления.

– Вообще-то, мы главные подозреваемые, – напомнил я ей. – Это вроде как автоматически исключает подобное сотрудничество.

Она пожала плечами, словно это была сущая мелочь.

– Тогда это все.

– Что все?

– Это все, что я хотела сказать тебе. Буду думать, что нам делать дальше.

Ясно, я свободен. Нужда во мне отпала, и наше расследование на сегодня окончено. Поднимаясь, я подумал, не ошибся ли, решив, что начинаю что-то для нее значить.

Холмс, казалось, сразу же обо мне забыла. Она сняла скрипичный футляр с полки и достала оттуда инструмент: теплый и блестящий, казалось, он вот-вот оживет. Я вспомнил специальный выпуск Би-би-си-четыре, который слушал у себя на кухне прошлым летом; мне было чертовски тоскливо перед отъездом, и мама всеми силами старалась меня приободрить. В тот день она пекла плюшки с корицей, делала из теста длинные жгуты, и их края свисали с нашей крошечной столешницы; пахло так, что я выполз из своей комнаты. Она взглянула на меня, перепачканная мукой, с прилипшим к щеке каштановым завитком. Прежде чем кто-то из нас успел заговорить, радиоведущий объявил выпуск, посвященный Страдивари.

Его голос звучал под аккомпанемент знаменитой записи концерта Мендельсона, который Шерлок Холмс исполнял для Его Величества Эдуарда VII на своей собственной скрипке Страдивари. Запись была плохой, но при этом удивительно живой, несмотря на помехи.

Я подошел ближе; моя мать поджала губы, но не стала переключать станцию. Так мы и сидели в тот день, покрывая глазурью остывшие плюшки и слушая рассказ диктора о форме скрипки, плотности древесины и о том, как Антонио Страдивари вымачивал свои инструменты в венецианских каналах.

Все это промелькнуло передо мной, когда я увидел скрипку Холмс цвета темного сахара, и я застыл, наблюдая, как она водит рукой по грифу, перед тем как начать. Смычок ярко выделялся на фоне ее черных волос; она закрыла глаза. Зазвучала знакомая и одновременно непривычная мелодия – народный мотив с яркими всплесками диссонанса. Я стоял всего в паре метров от нее, но она была так же безнадежно далека от меня, как Шерлок Холмс, играющий для короля ту же мелодию столетием раньше.

Не знаю, сколько времени прошло, но вот она остановилась, и я понял, что так и стою дурак дураком, вцепившись в дверную ручку.

– Ватсон, – сказала она, отведя скрипку в сторону. – Увидимся завтра.

Шарлотта отвернулась и продолжила играть.

Четыре

На следующий день я снова не брал трубку, и тогда в моей комнате объявилась миссис Данхэм и вежливо предупредила, что, если ей придется выслушать по телефону еще одну истерику моей матери, она совершит публичный акт саможжения. В общем, в тот четверг мне пришлось выдержать концерт от мамы и поток вопросов от моей сестры Шелби – «Что случилось? Ты в порядке? Тебя что, теперь домой отправят?» – и разговор этот тянулся бесконечно. Про приглашение на ужин к отцу я не стал им рассказывать; я сам еще не решил, ехать или нет.

С Томом мы всё уладили. Вернее, его природное добродушие взяло верх над подозрениями, и спустя день неловкого молчания он сам подошел ко мне, когда я работал за своим

столом. Мне хотелось сохранить на бумаге все детали убийства Ли Добсона – точные часы и даты, названия ядов, все, что раскопала Холмс. Я подумывал написать об этом рассказ, и, когда Том заглянул мне через плечо, было вполне естественно испытать свою задумку на нем.

А заодно проверить версию, благодаря которой ни меня, ни Холмс не исключат из школы.

«Происшествие со змеей» – так в официальном заявлении от Шеррингфорда охарактеризовали «несчастный случай», произошедший с Ли Добсоном. Читать это было скорее странно, чем страшно. Таким образом администрация пыталась убедить родителей в безопасности кампуса, но студентов все равно увозили домой пачками. Особенно тихим и пустынным казался в эти два дня наш холл: ни очереди в душ, ни громкой музыки из комнат.

Очень скоро эту тишину нарушили репортеры.

Еще вечером их не было – а наутро во дворе стало не протолкнуться, повсюду вспышки камер и громкие голоса. Стоило выйти после занятий, как тебя поджидали их сочувственные похлопывания по плечу и нацеленные в лицо объективы. Большинство студентов игнорировали их. Но не все. Как-то раз во время обеда я видел, как та рыжеволосая девушка с французского тихо плакала на камеру. А потом сквозь слезы сообщила, что ее портфолио можно посмотреть у нее на странице. Наверное, я не вправе винить человека за такое наглое использование СМИ; в конце концов, они тоже

ее использовали.

Потом этот же журналист принялся за меня.

Он ходил за мной по пятам на переменах и бормотал соболезнования, а затем выдавал вопросы вроде «Вы действительно считаете, что с Ли Добсоном произошел несчастный случай?» или «Правда ли, что вы держите у себя в комнате змею?». На оборудовании оператора был логотип Би-би-си. Но мне и так было понятно по аристократическому акценту и гордо поднятому подбородку – очередной урод из Оксбриджа 1. Его отправили через океан за компроматом на Холмсов; это было ясно по тому, как настойчиво он пытался перевести разговор на Шарлотту. Каким-то образом он раздобыл мое расписание и еще долго караулил меня между занятиями на пару с оператором.

В тот день я решил, что от меня наконец отстали. Когда я вышел через главный вход, эта парочка беседовала с местным на ступеньках научного корпуса. «Да, чувак, – донеслось до меня, – я тоже об этом слышал. Мои э-э-э... друзья говорили, что Шарлотта Холмс создала какую-то жуткую секту и Джейми Ватсон – что-то типа ее мелкой злобной шестерки...»

Опустив голову, я быстро прошел мимо, но репортер окликнул меня и бросился следом, стараясь ухватить за руку.

Я резко развернулся и уже был готов ему врезать. Оператор мгновенно выпрыгнул вперед и направил на меня свой объектив.

– Поняли, о чем я? – тут же вставил местный.

В этот раз мне удалось его разглядеть. Лет тридцать, черты лица мелкие, самые обычные, волосы светлые, густые. Том говорил, что это здешний барыга – я видел, как вечерами он ошиивается в кампусе.

Очевидно, сейчас его слово дороже моего.

¹ Совместное название Оксфорда и Кембриджа, старейших университетов Великобритании.

– Отойди, – тихо сказал я и поднял воротник. Мне дали пройти, хотя все мы знали, что завтра они вернутся.

Но нет. Очевидно, репортеры так всех достали, что наконец начали поступать жалобы от родителей. На следующий день Шеррингфорд официально закрыл кампус для посетителей.

Когда я спросил Холмс, рада ли она, в ответ увидел только вежливую улыбку.

– У моего брата договор со СМИ, – сказала она. – Меня они не трогают.

Настроение у всех было на нуле, так что, несмотря на траур, школа решила не отменять школьный бал. Зеленые и белые школьные флаги развевались возле часовни и библиотеки; на ужин столовая пообещала стейки и лосось. Каждый день девушки толпами отправлялись на почту и возвращались с посылками – в них были платья. Выбранные еще несколько месяцев назад, они летели к своим обладателям из Нью-Йорка, Бостона, было даже одно платье из Па-

рижа. Это я узнал от Кэссиди и Эштона с моих занятий по французскому: они всё про всех знали. Но не только девушки усиленно готовились к балу. Том пригласил Лену, и, похоже, родители прислали ему костюм из Чикаго. А иначе я не представляю, где он раздобыл свой бирюзовый пиджак и жилет.

Да, это была все та же трата времени и денег, но на этот раз я видел в ней смысл. Уж лучше шоу, чем трагедия.

Когда я поделился своими мыслями с Холмс, она рассмеялась, запрокинув голову, что для нее редкость:

– Для парня ты слишком все драматизируешь.

Мне было нечего ей возразить. У нее была возможность изучить меня, ведь каждую свободную минуту я проводил в лаборатории 442.

Мы здесь обедали, ужинали – а точнее, я, по своему обыкновению, жадно заглатывал еду, пока Шарлотта определяла, как прошел мой день. На завтрак ты ел хлопья «Капитан Кранч», говорила она, плюс ты попробовал новый крем для бритья, тебе он не понравился. Все это время она гоняла содержимое по тарелке, маскируя тот факт, что она ничего не ест. Я укорял ее, и она подцепляла один-два ломтика картошки фри, чтобы меня успокоить; минут через десять мне приходилось снова напоминать ей о еде. Как-то вечером я сказал, что моя любимая песня – «Heart-Shaped Box» «Нирваны», и буквально через час, взявшись за скрипку, она сыграла вступление из «Smells Like Teen Spirit». Мне кажется,

Холмс даже не осознавала, что делает; поймав на себе мой взгляд, она аж подскочила и сразу переключилась на «Алеманду» Баха. (Я выучил названия всех произведений, которые она играет. Ей нравилось, что я спрашиваю, а мне нравилось слушать.)

Попытайся я объяснить, что между нами происходит, никто все равно не понял бы. Обычно я бросал какое-нибудь абсурдное утверждение, она виртуозно отбивала мою подачу, и заканчивалось это яростными спорами обо всем на свете: от жуков и рождественских спектаклей до цвета глаз доктора Ватсона. Мы спорили по поводу подозреваемых: она была уверена, что наш убийца связан с Шеррингфордом, хотя я не мог понять, почему в таком случае он не приступил к делу еще год назад. И что ему (или ей) было нужно от меня. Когда я нашел склад пустых склянок в футляре для скрипки, мы не на шутку повздорили из-за того, что она продолжает принимать окси.

– Это не твое дело, – гневно отбивалась она и злилась еще больше, когда я настаивал, что вообще-то мое.

А как по-другому? Я был ее другом. Может, именно поэтому самые серьезные стычки у нас случались по пустякам. Как-то вечером мы поссорились из-за того, что она вечно занимала весь свой крошечный диван, и мне приходилось сидеть на полу. Я хлопнул дверью, и на следующее утро она принесла складное кресло.

– Это тебе, – сказала она, небрежно махнув рукой; ни на

что другое в нашей кладовке уже просто не хватило бы места.

Но мы не всегда жили как кошка с собакой – чаще как раз наоборот. Обычно я не кричал на Шарлотту, потому что оказывался под властью гипнотического взгляда и цепочки логических рассуждений, в результате которых позволял ей, к примеру, выдернуть волос у меня из носа ради эксперимента. (Здесь стоит добавить, что взамен она обещала месяц делать за меня домашку по химии.) Она научила меня вскрывать простые замки, и, когда я наконец правильно вставил булавку, услышал заветный щелчок и с облегчением откинулся на диван, она завязала мне глаза и заставила проделать все заново. Однажды Холмс обмолвилась, что в детстве ей не давали сладкого, и тогда я купил в местном магазине огромный мешок конфет и торжественно вручил этот королевский подарок ей. Она крепко задумалась и отказалась их пробовать, а на мои уговоры лишь закатывала глаза. Я отлучился, чтобы ответить на мамин звонок, а когда вернулся, то застал ее в безнадежных попытках надкусить леденец.

Пока я проводил все свое время в кабинете 442, мир снаружи казался все более странным. Порой наше с ней пребывание в лаборатории напоминало заблаговременный переезд в бункер в преддверии ядерного апокалипсиса. И когда я получил от Тома сообщение с вопросом, кого я пригласил на бал, я долго моргал (освещение в лаборатории было тусклым), пытаясь убедить себя, что вообще-то никакой радиации нет и я могу выйти наружу.

Но пары у меня не было, и я решил, что не буду никого искать. При мысли о вечеринках мне представлялся какой-то другой Шеррингфорд: такой, где вечер с девушкой моей мечты означал диско-шары и дерьмовую музыку, а не бунзеновские горелки и пятна крови. Где появиться в толпе одноклассников не будет сущей пыткой. Забыть о том, что я главный подозреваемый в убийстве, у меня не было шансов, ведь даже незнакомые мне люди обрывали разговор, когда я входил в класс. Комната Добсона по-прежнему была оклеена желтой полицейской лентой. Его бывший сосед Рэндалл все еще пытался подставить мне подножку в коридоре. Учителя обращались со мной либо как с хрустальной вазой, либо как с пустым местом, за исключением разве что тихони мистера Уитли, преподавателя литературного мастерства: он отвел меня в сторонку и сказал, что всегда готов выслушать, если надо. Я поблагодарил его, но всерьез не воспринял. Он просто предложил помощь как порядочный человек. Хотя, конечно, было приятно, что кто-то здравомыслящий видит, что со мной происходит.

А я, по правде говоря, был в ужасе. Боялся, что просто могу уснуть и не проснуться. Кто-то охотился за нами с Холмс, и мы понятия не имели, кто это. Точнее, я понятия не имел. У меня было щемящее чувство, что Холмс что-то знает, но она продолжала молчать как партизан.

– Я отказываюсь строить гипотезы при недостатке фактов – таков был ее ответ.

– Ну, так давай раздобудем факты, – сказал я. – С чего начнем?

Она занесла смычок над скрипкой и задумалась.

– Медпункт, – проговорила она наконец.

Если Добсона действительно отравили мышьяком, нужно узнать, обращался ли он перед смертью к врачу. Сначала эта идея меня удивила. Она ведь и так подтвердила наличие яда своими экспериментами, что здесь еще доказывать? Мы уже знали ответ.

Но чем больше я об этом думал, тем лучше понимал ход ее мыслей. Детектив Шепард полностью отмел идеи Холмс о том, что нас хотят подставить. Каждый раз, покидая научный корпус, я видел полицейских в штатском возле входной двери. Однажды я даже застукал одного из них возле моей комнаты, он копался в нашем мусорном ведре. Ну а Холмс рассказала, как утром проснулась и увидела на лестнице снаружи группу людей, которые заглядывали в ее окно. Она никак это не прокомментировала, но я знал, что ей не по себе. По ее рассказам, а также по регулярным звонкам от ее связной из Скотленд-Ярда, я понял, что Холмс не привыкла работать вне рамок закона. И хотя она не говорила этого вслух, я видел, как она пытается направить наши отношения с полицией в правильное русло. Если школьная медсестра подтвердит наши подозрения, это будет неплохое начало.

– Ты ей нравишься, – сухо сказала Холмс по дороге в медпункт.

Это была мелкая пристройка к Харрис-холлу, с парой коек и диспансером. Каждый раз, когда я там появлялся (ссадины на руках, сломанный нос), меня принимала одна и та же медсестра. И мне казалось, что наше с ней общение было сугубо деловым.

– Ну, если ты так считаешь... – протянул я. – Какой у нас план? Я притворюсь больным, надавлю на жалость и отвлеку ее, пока ты будешь копаться в записях?

Холмс подмигнула мне.

– Именно, – ответила она и толкнула дверь.

В приемном покое было пусто. Медсестра разгадывала sudoku, сидя за столом.

– Чем могу помочь? – спросила она, не поднимая глаз.

– Это снова я, – начал я виновато, показывая свои руки. – Они снова болят, и я тут подумал, вдруг это все-таки перелом, мало ли.

– Бедняжка. – В голосе медсестры была ритмичность, которая делала его странно привлекательным. – Твоя девушка пришла для моральной поддержки?

Я взглянул на Холмс, она выдавила печальную улыбку.

– Не знаю, смогу ли смотреть, – тихо сказала она. – Просто я так за него волнуюсь. Наверное, мне лучше подождать здесь.

Медсестра успокаивающе положила руку ей на плечо.

– Ничего страшного я делать не буду, обещаю. Останься с ним. Пойдем, пойдем.

Она отвела нас в смотровую, где потыкала мои пальцы (а они и правда болели), сказала, что они прекрасно заживают, вручила мне тайленол и отпустила нас. Весь визит занял минут пять.

– М-да, – хмуро сказала Холмс, когда за нами закрылась дверь. – Это не то, на что я рассчитывала.

Я усмехнулся:

– Тебе стоит поработать над образом заботливой девушки. Выходит, это все? Никаких записей?

– Ну нет, – ответила она. – Ночью я залезу к ней и найду то, что мне нужно. Просто так не хочется снова возиться с этими камерами наблюдения.

– А почему сразу было так не сделать?

На ее лице промелькнула улыбка.

– Тебе же не терпится приняться за дело. Я хотела тебя подключить.

– Э-э, ну спасибо.

– Но ночью я пойду одна. А то ты неуклюжий как слон. Увидимся позже.

Она похлопала меня по плечу и отправилась дальше, оставив польщенным и оскорбленным одновременно. Побочные эффекты от общения с Шарлоттой Холмс.

На следующий день после занятий я отправился в ее лабораторию. Там, возле двери, меня встретил детектив Шепард. Я не знал, что он имеет право допрашивать нас без родителей, но, очевидно, он нашел способ пообщаться с Холмс.

– Джейми, – тяжело произнес он. – С тобой и Шарлоттой мы встретимся в воскресенье вечером у твоего отца дома. Тогда и поговорим. – Он с сожалением посмотрел на меня и пошел по коридору.

– Погодите, вы поедете с нами? – крикнул я ему вслед, но ответа так и не дождался.

О чем бы они с Шепардом ни говорили, настроение у Холмс явно испортилось.

– Зачем ты егопустила? Это что вообще было?

– Ничего.

– Ничего, – повторил я. – Я думал, ты показала ему медицинскую историю Добсона.

– Разумеется, он ее уже видел, – сказала она. – Он отчитал меня за проникновение со взломом и ушел.

– Так Добсон *и правда* обращался к доктору с жалобами.

– Он частенько бывал в медпункте, – сказала она. – Как сказал Шепард, в основном с травмами от регби. Еще он сказал, что волосы жертвы проверили на мышьяк, результат положительный, и мои доказательства ему не нужны. После он попросил перечислить все, что у меня стоит на полке с ядами. И ушел, добавив, что мы скоро увидимся. Думает, что напугал меня. Что за дилетант.

– Погоди, давай помедленнее. Тыпустила сюда детектива. Ты показала ему свою полку с ядами.

– Да.

– С ядами.

– Да.

– И среди них есть мышьяк?

– Да.

– И он снова устроит нам допрос в это воскресенье, – сказал я, и мне стало плохо.

– Да, – членораздельно повторила она, будто разговаривала со слабоумным.

Минуту я стоял, уставившись на нее. Что-то она недоговаривала.

– Ладно. Надо составить список возможных подозреваемых. Нужно найти что-то, что можно им показать. Что-то, что улучшит твою – нашу – ситуацию.

Я отвернулся, приклеил скотчем кусок оберточной бумаги на стенку книжного шкафа и написал на нем: «Подозреваемые».

– Ватсон, – сказала она, – у тебя нет подозреваемых.

Я сердито уставился на нее. Она поднесла к губам сигарету и глубоко затянулась. Мы пришли к негласному соглашению: она выбросит все свои таблетки, а я перестану их искать. В результате мне пришлось смириться с постоянным присутствием в ее руках «Лаки Страйк»: так она пыталась перейти на наркотик, который ее не убьет – ну, по крайней мере, не так быстро.

Сигаретный дым превратил это место в филиал ада на земле. Что доводило меня почти до ручки. А Холмс все так же сидела, курила и ничего не объясняла.

– Что насчет человека, который взял «Приключения Шерлока Холмса» из библиотеки? Должна же быть запись.

– Поправочка. Это был новый экземпляр, и никто никогда не брал его. Его украли с полки, – ответила Холмс. – В библиотеке у него статус «утерян». И, поскольку сейчас книга у полиции, изучить ее у меня не получится.

– А враги? Давай вспомним врагов Добсона.

– А, ну давай. Записывай туда всю женскую половину нашей школы. – Ее глаза потемнели. – Хотя, судя по моим прошлогодним данным, я единственная, кто имел с ним проблемы.

Я сглотнул.

– Тогда, может, начнем с наших врагов?

– У тебя их нет.

– У меня есть бывшие девушки, – начал перечислять я. – Из Англии. Из Америки. Из Шотландии – Фионе пошел бы клетчатый чемоданчик с ядами... – По правде говоря, Фиона была способна максимум порвать со мной на глазах у всего класса.

Холмс подняла брови.

– Нет, – сказала она и выдохнула.

Мне очень хотелось вырвать сигарету у нее из рук и раздавить ботинком об пол, но я сдержался.

– Я толком не сплю, – сказал я ей, – от страха, что на очереди либо ты, либо я, либо какая-нибудь несчастная буфетчица, которая и вовсе не виновата, что мы с тобой перешли

дорожку фанату загадочных убийств. Может, все-таки поможешь мне, а?

Она сосредоточенно сощурилась.

– Маркиз Абергавенни, – сказала она наконец. – Я подо-
згла его конюшню, когда мне было девять.

– Хорошо, – сказал я и, понизив голос, добавил: – Можешь
сказать по буквам?

Она проигнорировала меня.

– Наверное, можешь добавить к списку химика Кристофа
Демаршелье. Который француз, а не датчанин. Ну и графиню
ван Ландингем – я никогда ей не нравилась. Майло ей
тоже не нравился, если уж на то пошло, так ведь он разбил
ей сердце. А еще директриса школы Инсбрук в Люцерне, я
постоянно обыгрывала ее в шахматы, и чемпион по настоль-
ному теннису Квентин Уайлд. Думаю, его товарищей по ко-
манде Бэзила и Томма тоже можешь записать. Томм с двой-
ным «м», конечно же. А вот фамилий не помню. Странно.

– И это все? Или, может, есть еще несколько пэров или
членов Парламента? Ну или парочка коронованных особ,
нет?

Сделав глубокую затяжку, она закашлялась, а когда смог-
ла нормально говорить, то добавила:

– А, есть еще Август Мориарти. – Как будто не знала, что
это имя должно было прозвучать в первую очередь.

– Ты вообще о чем думала, – медленно произнес я, – когда
наживала себе врага Мориарти?

Профессор Джеймс Мориарти был главным противником Шерлока Холмса. В каком-то смысле он был равен самому Великому Детективу. Мориарти стал величайшим криминальным гением Лондона; он погиб в схватке с Шерлоком Холмсом у Рейхенбахского водопада в Швейцарии. После той схватки Шерлок инсценировал свою смерть, чтобы отследить всех тайных агентов Мориарти. Даже доктор Ватсон считал, что Шерлока больше нет. И хотя официальная версия об этом умалчивает, из авторитетного источника мне известно, что, когда три года спустя Холмс вальяжно вошел в его кабинет, мой прапрадед от души двинул бывшему напарнику в челюсть.

Как я уже говорил, у меня были спорные примеры для подражания.

Впрочем, у Холмс тоже.

Ее изящная рука резко швырнула сигарету в пепельницу:
– Это к делу не относится.

Что-то задело ее, это было слышно по голосу. Но оставить эту тему я не мог.

– Холмс, у профессора Мориарти полно поклонников. Даже последователей. Ты в курсе, что какой-то английский серийный убийца считал его своим главным вдохновителем? И те произведения искусства, что он украл, – их так и не нашли. А оставшаяся родня старается не отставать от своего знаменитого предка.

Я подчеркнул на листке имя Август. Никогда про него не

слышал.

– Я знаю, прошло более ста лет, но...

– Я бы предпочла думать, – резко оборвала меня Холмс, – что прошлое не определяет нас.

Она поднялась, скинув с себя одеяло. На ней была плиссированная юбка, которую она подвернула на поясе, чтобы та казалась короче, и белая оксфордская рубашка, расстегнутая на четыре пуговицы.

Это она для детектива так вырядилась? Или для чего-то еще? К чему это все?

Я смущенно откашлялся. Тут настроение Шарлотты характерным для нее образом мгновенно изменилось, и она, мельком улыбнувшись, вытащила из-под дивана коробку.

В коробке были парики. Десятки париков, разложенных по мешочкам и отсортированных по цветам. Холмс достала маленькое зеркало, быстро оглядела себя и стала затягивать волосы в узел.

– То есть этот разговор окончен, – сказал я, но с тем же успехом я мог беседовать со стенкой.

Все напрасно; я проиграл. Если она не хочет говорить об Августе Мориарти, то ни за что не станет, и тут я бессилен.

Глядя на ее приготовления, я немного успокоился. Они чем-то напоминали то, как она настраивала свою скрипку. Сначала сетчатая шапочка на волосы, затем парик – длинные светлые локоны, – и довершил метаморфозу искусный макияж, который она наносила, удерживая крошечное зеркальце

между колен. Я не знаю, что она сделала, но теперь на меня снизу вверх смотрело сияющее личико с большими наивными глазами, розовыми щеками и влажным блеском на губах. Она побрызгалась туалетной водой. Затем как ни в чем не бывало достала пару силиконовых вкладышей из сумки и засунула их по очереди в свой бюстгальтер.

Я покраснел и отвернулся.

– Дже-е-ейми? – раздался звонкий голос юной американки. Она подошла ближе. – С тобой все в порядке?

Передо мной стояла типичнейшая малолетняя соблазнительница: там, где раньше были прямые линии, появились изгибы. До того я не замечал, что у Холмс идеальная осанка, но сразу обратил внимание на ее отсутствие у этой расхлябанной особы в... о боже, она надела гольфы. Светлый парик и макияж подчеркивали ее серые глаза – я и не подозревал, что они могут так приветливо сиять. А адресованный мне взгляд был просто-таки *преступным*.

– Я Хэээйли, – произнесла она с ленивым калифорнийским акцентом. – Собираюсь поступать в следующем году. Я приехала с мааамой, но мне хотелось самой посмотреть кампус. Сегодня вроде будет вечеринка? – Пальцем она коснулась моей груди. – Хочешь взять меня с собооой?

Меня ни от кого еще так не воротило.

Я резко отпрянул и врезался в стол с химическим оборудованием. Зазвенели мензурки; одна даже упала на пол и разбилась. А передо мной, несмотря на весь этот маскарад,

снова стояла Холмс – жесткая, загадочная и... довольная.

– Отлично, – сказала она своим обычным хриплым голосом, торопливо закидывая вещи в рюкзак. – Если Хэйли тебе не понравилась, то она – как раз то, что мне нужно.

– Нужно для чего?

– Терпение, – отозвалась Шарлотта. – Обещаю, позже все тебе расскажу.

Она бросила взгляд на список подозреваемых, на имя в самом его конце. Август Мориарти.

– Все расскажу, Ватсон. Но не сейчас.

– Это чертовски несправедливо, – пожаловался я.

– Ты прав. – Холмс улыбнулась. – Можем продолжить разговор ночью, за покером. Там я буду в своем обычном виде.

– Никто не придет. Все считают нас убийцами.

– Как раз поэтому придут все, – поправила она.

– Считай, что тебе повезет, если хотя бы я буду.

– Мне повезет, – коротко ответила она.

– Ладно, – сказал я, вскинув руки. Она снова победила: шах и мат.

Пять шагов до двери – и Холмс больше не Холмс.

Кокетливо помахав рукой, Хэйли сказала: «Покааа, Джейми».

И вот я один, и всех занятий у меня – подмести осколки разбитой мензурки с пола.

То ли дело было в нашей сомнительной славе, то ли в

предвкушении встречи выпускников – я так и не понял, но Холмс была права насчет людей. Когда я пришел в Стивенсон в полдвенадцатого, кухня в подвале была забита битком. Какие-то первокурсники организовали параллельную игру на пять карт в общей зоне, и мне пришлось протискиваться мимо группы хихикающих девчонок, чтобы пробраться внутрь. Вместо того чтобы замолкнуть при моем появлении, как это делали остальные, они захихикали еще громче. Сстиснув зубы, я наконец добрался до карточного стола в самом конце.

Холмс нигде не было видно: балом правила Лена в каком-то невообразимом цилиндре. Я видел ее много раз, хотя особого внимания никогда не обращал. Красива, тут не поспоришь. Том был готов петь ей дифирамбы каждый вечер: длинные прямые волосы, чернильно-черные глаза, смуглая кожа. Она слегка покраснелась от волнения (и, вероятно, от водки). Рядом возвышалась аккуратная пирамида из фишек. Завидев меня, Лена помахала мне рукой.

Рядом с ней был не Том, а какой-то незнакомый парень, который явно не обрадовался мне.

– Привет, убийца, – прошипел он. Я пропустил это мимо ушей.

– Привет, Джейми, – сказала Лена, тоже не обращая на него внимания. – Хочешь сыграть? Стулья закончились, но я могу включить тебя в игру, если ты согласен постоять.

– Может занять мое место. Хочу еще выпить. – Девуш-

ка с другой стороны от Лены – кажется, ее звали Мариэлла – с трудом поднялась на ноги и, покачиваясь, направилась к стойке, где стояли бутылки с этикеткой «Водка» и сомнительного вида ананасовый сок. Первокурсница, пригласившая меня на бал, выступала в роли бармена. От ее взгляда я тоже старался уклониться. Был ли здесь вообще кто-то, кого я не избегаю?

– Хорошо, что Мариэлла ушла, – сказала мне Лена заговорщицким тоном. – У нее улов баксов на пятьдесят. Ну, был у нее, теперь у меня. Упс.

Если Мариэлла была такой же, как остальные студенты в Шеррингфорде, пропажи этих денег она даже не заметит. Я же подумал о последних тридцати пяти долларах на моем счету, которые я точно не могу себе позволить продуть, и отказался от предложения Лены, сославшись на то, что не умею играть.

– Но я постараюсь вникнуть в суть, – соврал я. На самом деле мне просто не хотелось уходить с этого места до прихода Холмс, так как я никого больше здесь не знал.

– Боже мой, – сказала Лена, прижав руку к груди. – Ты тоже британец? Вы оба такие милые, это что-то.

В Англии я был американцем. Здесь наоборот.

– Вообще-то я родился здесь, – ответил я.

– Мы играть будем или нет? – спросил парень рядом с Леной.

– Нет, – заявила она, отодвигая стул. – Ну, или играйте

сами. Я хочу поболтать с Джейми.

Лена рассовала фишки по карманам своего платья и потянула меня в сторону. Я даже не стал ее поправлять; я уже понял, что просить называть меня Джеймс бесполезно.

– Я просто хотела сказать тебе, – продолжила она, очень тщательно выговаривая слова, – я не считаю, что это вы с Шарлоттой убили Ли. Только посмотри на себя! Ты же просто душка, ну вот, ты *покраснел*, это так мило. Тебя будто специально послали ей, чтобы она забыла обо всей этой истории с Августом. Нееет, поверить не могу, что вы расправились с Ли, как Бонни и Клайд. – Она нахмурилась. – Все равно он был козлом.

– С Августом? – Мой голос прозвучал неестественно громко, и я содрогнулся. – Незнакомое имя. Кто это?

– погоди, – ответила она. – Дай я опрокину еще рюмку. Притворщик из меня бездарный, но Лена была слишком пьяна.

– Ну, в общем. *Август*. Парень у нее на родине. Она очень переживала из-за него, когда приехала сюда в прошлом году. Как всегда, ничего мне не рассказывала, но я подслушала, как она говорила о нем по телефону. Под дверью, ну ты понял. Потом приехал в гости ее брат, и они были как два ЦРУ-шника, говорили о нем все время. Я постоянно слышала это имя, оно необычное, запоминается. В общем, Майло уехал, но перед этим заявил, весь такой: «Prrrr, я с этим разберусь», после чего она повеселела. – Она поднесла руку ко

рту. – Черт. Черт-черт-черт. Не стоило тебе этого рассказывать. Женская солидарность вроде как.

Мне хотелось поинтересоваться, что же *такого* она мне рассказала – разве что, возможно, про одну из атак дронов, устроенных Майло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.